

ТОБОЛЬСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНА БІБЛІОТЕКА.

№ № 13 и 14.

1 и 16 Іюля 1887 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи.

„Русачки же миленькіе не такъ (какъ греки),—въ огонь лъзеть, а благовѣрія не предасть“ (Аввакумъ I посл. къ Симеону. Матер. для истор. раск. т. V, стр. 203).

Въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій Русскій расколъ подвергался и подвергается со стороны нашей духовной и свѣтской литературы постоянному и самому критическому анализу. Изъ написанныхъ и напечатанныхъ за это время книгъ по расколу составились цѣлыя бібліотеки. Исторія русской литературы произведеніями этого рода уступила особый отдѣлъ. Повидимому, въ настоящее время не осталось ни одного, даже самаго незначительнаго, явленія изъ прошлой и настоящей жизни старообрядцевъ, которое не было бы изслѣдовано со всѣхъ сторонъ. Можно подумать даже, что нѣтъ ни одного ученія, ни одной сокровенной мысли старообрядцевъ всѣхъ временъ и всѣхъ толковъ, которыя бы не были извѣстны нашимъ ученымъ литераторамъ и не были бы опровергнуты. Но это такъ только кажется со стороны, пока не вникнемъ хорошенько и не углубимся въ суть дѣла.

На самомъ дѣлѣ расколъ и въ историческомъ, и богословскомъ и религіозно - нравственномъ отношеніяхъ неисчерпаемъ. Достаточнымъ подтвержденіемъ сего можетъ служить то, что ни духовная, ни свѣтская наша литература въ продолженіи двухъ столѣтій почти не обращала еще серьезнаго вниманія на одно изъ самыхъ крупныхъ и печальныхъ явленій въ исторіи раскола, именно: на религіозныя убійства и самоубійства старообрядцевъ. Изъ всѣхъ

многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей — старообрядцевъ прошлаго времени упоминають объ этомъ мимоходомъ только святитель Димитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ“ и митрополитъ тобольскій Игнатій въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ (изд. 1855 г.). Сами старообрядцы также молчатъ, не считая умѣстнымъ касаться этого крайне большаго мѣста въ своей исторіи. Изъ старообрядческихъ писателей упоминають объ этомъ только двое: Семень Денисовъ въ „Исторіи о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“ — слегка, между прочимъ, и Иванъ Филипповъ въ „Исторіи Выговской пустыни“ — нѣсколько подробнѣе о самосожигательствахъ въ Бѣломорскомъ краѣ.

Въ послѣднее только время свѣтская литература стала обращать вниманіе и на эту мрачную сторону вѣковой и устойчивой жизни нашихъ старообрядцевъ, стараясь прежде всего опредѣлить число случаевъ и жертвъ религіозныхъ самоубійствъ. Какъ на попытки въ этомъ родѣ, можно указать на слѣдующія литературныя произведенія послѣдняго времени: а) „Сводный старообрядческій Синодикъ“, изданный г. Пынинымъ, гдѣ приводится 45 случаевъ самосожженій, съ 10,102 человѣческими жертвами; б) „Перечень самосожженій“, составленный профессоромъ казанскаго университета г. Загоскинымъ *) и в) „Самоистребленіе“ — болѣе другихъ полное исчисленіе всѣхъ случаевъ и видовъ старообрядческихъ самоубійствъ, составленное г. Пругавинымъ и помѣщенное въ I и II кн. „Русской мысли“ за 1885 годъ. Но даже исчисленіе случаевъ самоубійствъ въ литературѣ далеко еще не доведено до желаемой полноты, а къ изслѣдованію самоубійствъ съ другихъ сторонъ никто еще не приступалъ.

Въ бытность на службѣ въ Сибири, мнѣ удалось познакомиться съ религіозными самоубійствами сибирскихъ старообрядцевъ по подлиннымъ дѣламъ Tobольской дух. Консисторіи прошлаго столѣтія, и я былъ бы счастливъ, если бы предлагаемый по этому поводу мой очеркъ самосожигательствъ сибирскихъ старообрядцевъ, въ связи съ русскими, послужилъ хотя ничтожною лептою въ нашу небогатую по этому вопросу литературу.

*) „Литерат. Сборникъ“ Волжскаго Вѣст. 1881 г., вып. I.

I.

Общая характеристика старообрядческих самоубійствъ.

Религіозныя самоубійства и убійства—явленіе почти *несмысленное* не только между православными христіанами всѣхъ временъ и всѣхъ націй, но и между другими христіанскими общинами. Отсюда понятно, что появленію идеи самоубійствъ исключительно между русскими раскольниками благоприятствовали особыя условія русской жизни и особенный складъ религіозныхъ воззрѣній русскаго народа, не свойственный другимъ націямъ. Исторія появленія и развитія идеи самоубійствъ и убійствъ ради спасенія, слѣдовательно, намъ можетъ открыть такія черты въ жизни русскаго народа вообще и, въ частности, въ жизни старообрядцевъ, которыя остаются или темными на посторонней взглядъ, или еще совсѣмъ не подмѣченными. Но этого можно достигнуть только тогда, когда вопросъ о самоубійствахъ и убійствахъ будетъ изслѣдованъ со всѣхъ сторонъ, что представляется пока выше нашихъ силъ.

Къ мысли о самоубійствѣ „ради вѣчнаго блаженства“ наши старообрядцы пришли очень рано, при самомъ отпаденіи отъ Православной церкви, послѣдовавшемъ формально въ 1666^{6/7} году. Въ 1677 г. извѣстный расколуучитель протопопъ Аввакумъ уже съ восторгомъ и полнымъ одобреніемъ писалъ изъ Пустозерской тюрьмы къ нѣкому Симеону о дошедшихъ до него слухахъ о томъ, что въ Нижнемъ Новгородѣ нѣкоторые изъ приверженцевъ „древляго благочестія, распальшеся любовію и плакавъ о благовѣрїи, недождався еретическаго осужденія, сами во огнь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ благовѣріе, и сожегше своя тѣлеса, душа же въ руди Божїи предавше, ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольные мученики, Христовы рабы“. *) Слѣдовательно, начало самоубійствъ можно относить ко времени до 1677 года, но никакъ не раньше 1667 года, когда былъ въ Москвѣ большой соборъ, который тщательно разбиралъ всѣ стороны старообрядческихъ заблужденій и ни разу не упомянулъ о самоубійствахъ.

Кому изъ старообрядческихъ первоучителей пришла въ голову столь страшная и пагубная мысль,—неизвѣстно. Изувѣрь скрылъ

*) Матер. для истор. раск. т. V, стр. 204.

свое позорное имя не только отъ постороннихъ людей, но и отъ своихъ собратій по вѣрѣ и убѣжденіямъ, и такимъ образомъ избавился отъ тѣхъ проклятій, которыя неизбѣжно должны были преслѣдовать память его, какъ виновника преждевременной гибели множества невинныхъ душъ.

Мы не знаемъ въ точности даже основъ этого ужаснаго ученія, потому что ни самъ изобрѣтатель его, ни кто либо изъ послѣдователей его, не рѣшились письменно передать объ этомъ потомству. Намъ извѣстно только то, что это ученіе и примѣненіе его къ жизни старообрядцевъ было *одобрено* и похвалами превознесено до небесъ, не только Аввакумомъ, но и другими старообрядческими авторитетами, каковы братія Семень и Андрей Денисовы и Иванъ Филипповъ. Семень Денисовъ въ своей „Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ“ и И. Филипповъ въ „Исторіи Выговской пустыни“ говорятъ о соловецкихъ старцахъ Игнатіѣ, Гермогенѣ, Іосифѣ и друг., сжегшихъ въ Бѣломорскомъ краѣ цѣлыя тысячи оболъщенныхъ ими,—какъ о великихъ чудотворцахъ и страсотерпцахъ, стараясь особенно выставить на видъ ихъ подвиги склоненія другихъ къ самоубійствамъ. Само собой разумѣется, что и погибшіе по наученію этихъ старцевъ—изувѣровъ не оставлены отъ старообрядческихъ знаменитостей безъ особой похвалы,—они причислены къ лику святыхъ мучениковъ за благочестіе и вѣру. „Исторія Выговской пустыни“ больше, чѣмъ на половину составляетъ панегирикъ подобнаго рода страдальцамъ. На первыхъ порахъ къ оболъщенію простаго и довѣрчиваго народа, можетъ быть, достаточно было одного одобренія самоубійствъ со стороны первоучителей и руководителей раскола.

Между тѣмъ придуманы были кое-какія и *оправданія* самоубійствъ, основанныя на Св. Писаніи и на практикѣ церковной. *) Оправданія находили, напримѣръ, въ словахъ Спасителя: *Иже полюбитъ душу свою Мене ради,—обрящетъ ю.* Указывали и на апостола Павла, который училъ: *Яко многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Говорили, наконецъ, что

*) Въ старообрядческой жизни всегда идетъ впереди практика, а теорія за ней, иногда спустя не малое время.

„многіе изъ мучениковъ сами либо закалались, или бросались въ воду, или же добровольно сжигались“, ссылаясь, какъ на примѣръ, на добровольную кончину мученицы Домники и ея друзей. Было придумано даже оправданіе для убійствъ, по крайней мѣрѣ, младенцевъ. Это оправданіе заключалось только въ одномъ соображеніи. „Гдѣ же такого младенца кормить“?—говорили дѣтоубійцы. „Но и вскормясь однако пойдетъ въ нечестіе,—такъ лучше ему несогрѣшившему умереть“. *) Такимъ образомъ самоубійства и убійства были приравнены къ мученичеству.

И дѣйствительно, самоубійства и убійства старообрядцевъ легче и ближе будетъ къ истинѣ объяснять *стремленіемъ къ приобритенію мученическихъ вѣнцовъ*. Старообрядцы, какъ извѣстно, строго убѣждены, что съ 1666 г. въ мірѣ царствуетъ антихристъ и что мученичество въ это время отъ руки самого антихриста, или слугъ его, будетъ несравненно выше мученичества первыхъ 3-хъ вѣковъ христіанства. Соловецкіе монахи—старообрядцы въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу первые высказали эту мысль и первые сподобились въ 1667 г. мученическихъ вѣнцовъ отъ руки воеводы Мещеринова. „И воистину, государь, писали монахи въ 1668 году въ своей челобитной, блаженъ той, его же сподобитъ Господь отъ таковыхъ нынѣшнихъ учителей до смерти пострадати, и вѣруемъ божественному писанію, яко тѣи *паче прѣжнихъ мучениковъ* у Бога обрящутся“. **)

Настоятель Выговской пустыни Семень Денисовъ, написавъ панегирикъ соловецкимъ монахамъ—бунтовщикамъ, подъ заглавіемъ „Исторія о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ, иже за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія въ настоящія времена великодушно пострадаша“, такимъ образомъ въ глазахъ старообрядцевъ, такъ сказать, канонизировалъ монаховъ въ мучениковъ за вѣру.

Печальная судьба соловецкихъ монаховъ была въ нѣкоторомъ отношеніи воззваніемъ къ мученичеству. И въ подражающихъ

*) „Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками“, Силона еписк. рязанскаго 1839 г. стр. 277—279 и 287.

**) „Исторія о отцахъ и страдальцахъ“, листъ 77 обор.

монахамъ въ упорствѣ до конца жизни не было недостатка: многіе изъ ревностныхъ старообрядцевъ не только не старались избѣгать преслѣдованій со стороны правительства, напротивъ сами искали казни. Таковы изъ первоучителей раскола: протопопъ Аввакумъ, діакопъ Ѳедоръ, попъ Лазарь, соловецкій иногъ Епифаній—сожженные на кострѣ въ 1681 г., попъ Никита Пустосвятъ, Григорій Талицкій, діакопъ Александръ и многіе другіе, такъ или иначе, по суду правительства, погибшіе за старое благочестіе. Всѣ эти несчастные послушники правительства со стороны старообрядцевъ причислены къ лику святыхъ мучениковъ. Въ старообрядческихъ домахъ, наприм., до сихъ поръ можно встрѣтить на божницахъ образъ священно-мученика протопопа „Аввакума“. Историкъ Выговской пустыни Филипповъ ставитъ на одну степень съ перво-мученикомъ Стефаномъ соловецкаго старца Іосифа, который въ 1693 году въ Подужемскомъ погостѣ (кагопольскаго вѣд.) былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья на крышѣ зданія, въ которомъ онъ собирався сторѣть съ цѣлою тысячею оболщенныхъ имъ старообрядцевъ. *)

Слава мучениковъ за старую вѣру, такимъ образомъ, росла и распространялась въ старообрядческомъ мірѣ не по днямъ, а по часамъ и возбуждала въ ревностныхъ старообрядцахъ новыя и новыя желанія сподобиться мученическаго вѣнца, который будетъ несравненно краше вѣнцовъ первыхъ мучениковъ христіанства.

Правительственныя мѣры противъ расколъниковъ до воцаренія Екатерины II много способствовали достиженію этихъ желаній старообрядцевъ. Правительство смотрѣло на старообрядцевъ не какъ на простыхъ противниковъ новымъ церковнымъ порядкамъ и обычаямъ, а какъ на „богохульниковъ“ и, руководствуясь, „Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича и указами царевны Софьи Алексѣевны, старообрядческихъ предводителей безпощадно предавало казни; ихъ жгли на кострахъ, коптели до смерти въ дыму, рубили на плахахъ. Но это былъ для старообрядцевъ болѣе легкій способъ пріобрѣтенія мученическихъ вѣнцовъ.

Несравненно больше приходилось терпѣть тѣмъ изъ несчаст-

*) *Исторія Выговской пустыни стр. 63.*

ныхъ приверженцевъ старины, которыхъ вели къ мученическимъ вѣнцамъ медленнымъ путемъ, чрезъ Преображенскій Приказъ съ его страшными пытками, чрезъ рудники и заточенія въ крѣпостяхъ и монастыряхъ.

Такими мѣрами правительства, особенно во дни правленія государствомъ Софьи Алексѣевны, старообрядцы были поставлены совершенно въ безвыходное положеніе. Имъ оставалось для выбора одно изъ двухъ: или оставить свою вѣру, или обречь себя на всякаго рода мученія. И то и другое для старообрядца было не легко сдѣлать и не всякій могъ рѣшиться на выборъ безусловно, не колеблясь. Уступить требованіямъ правительства, значило, по понятіямъ старообрядцевъ, прямо отдаться во власть антихриста и навсегда лишиться надежды на милость Божію и на вѣчное блаженство. Не уступить—значить попасть на костеръ, или по меньшей мѣрѣ въ ссылку въ неизвѣстныя страны. На первое рѣшились только люди не твердые въ старой вѣрѣ, а на послѣднее—старообрядческіе герои. Остальные скрывали свою вѣру, объявляя себя православными и наружно выполняя требованія духовныхъ и гражданскихъ властей.

Но послѣдній способъ сохраненія старой вѣры выходилъ „двоевѣріемъ“, претяжимъ старообрядческой совѣсти. Поэтому и изъ остальныхъ старообрядцевъ большая часть искали другаго выхода изъ своего опаснаго положенія. Въ этомъ случаѣ самоубійство, такъ кстати подсказанное кѣмъ то изъ первоучителей, одобренное „священно-мученикомъ Аввакумомъ“ и воспѣтое Иваномъ Филипповымъ, какъ добровольное мученичество за вѣру, старообрядцамъ средней руки могло показаться величайшимъ благодѣяніемъ Божіимъ, такъ какъ оно избавляло отъ временныхъ и вѣчныхъ мученій.

И вотъ, цѣлыя массы старообрядцевъ, не рассчитывающихъ на свое мужество терпѣть до конца различныя истязанія и въ то же время страшившихся попасть во власть мнимаго антихриста, пошли искать мученическихъ вѣнцовъ въ самоубійствѣ.

На первыхъ порахъ съ особою силою привилось ученіе „о добровольномъ мученичествѣ“ къ старообрядцамъ *Бѣломорскаго края*, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. Это легко объ-

яняется обилиемъ здѣсь особыхъ старцевъ—поджигателей, каковы вышеупомянутые: Игнатій, Гермогенъ и Іосифъ. Старцы эти постоянно бродили по раскольническимъ поселкамъ, проповѣдуя о наступившемъ царствованіи антихриста и призывая всѣхъ къ добровольному мученичеству. Во главѣ ихъ стоялъ соловецкій діаконъ Игнатій, которому еще въ бытность его въ Соловецкомъ монастырѣ, до забору (1668 г.) предсказалъ, будто бы, юродивый монахъ Гурій, что „черезъ него Игнатія въ послѣднія времена, наконецъ послѣдняго вѣка, въ Обонежскихъ странахъ явится цѣлый сонмъ мучениковъ,—больше, чѣмъ было ихъ въ Соловецкомъ монастырѣ во время извѣстнаго соловецкаго сидѣнія“. *)

Излюбленнымъ способомъ „добровольнаго мученичества“ этихъ и имъ подобныхъ старцевъ было самосожженіе. **) Сами они пламенно желали такимъ способомъ стяжать себѣ вѣнцы, но еще болѣе желали доставить ихъ другимъ. Въ силу этого каждый старецъ считалъ священнымъ долгомъ склонить къ самосожигательству какъ можно больше простыхъ довѣрчивыхъ людей и принимать на себя всѣ заботы по устройенію самосожженій.

Было принято у старцевъ—сжигателей за правило, чтобы каждый горѣлъ непременно *со своими*, а не чужими учениками,—иначе жертва не будетъ принята отъ Бога. Разъ старецъ Іосифъ собрался въ Пормѣ горѣть съ толпой, обольщенной не имъ, а другими старцами. Игнатій протестовалъ противъ этого нарушенія обычнаго правила; но Іосифъ не послушался и послѣ долженъ былъ просить у Игнатія прощенія. Дѣло въ томъ, что „незаконное“ самосожженіе ему на этотъ разъ не удалось: онъ былъ вытащенъ изъ пламени солдатами съ прочими 60 человекъ. Игнатій принялъ раскаяніе Іосифа въ такомъ поступкѣ и предрекъ, что онъ Іосифъ за стараніе въ скоромъ времени сгоритъ съ большимъ числомъ своихъ учениковъ, что и исполнилось въ 1693 году. ***)

Главные старцы—жрецы не хотѣли горѣть прежде, нежели соберутъ тысячи жертвъ. Такъ, Игнатій сгорѣлъ съ 2700, Германъ

*) *Ист. о отцахъ л. 6 об. и 7; ист. Выл. п. стр. 46, 59, 60.*

**) *О дру. видахъ самоубійствъ и убійствъ упомянемъ въ приложеніи.*

***) *Исторія Выловской пустыни стр. 45, 46 и дру.*

съ 1500, Иосифъ 1200, Иларіонъ съ 1000 обольщенныхъ старообрядцевъ обоюга пола, въ возрастѣ отъ груднаго младенца до 80 лѣтнихъ старцевъ. 1) Лишь не многіе, болѣе скромные и менѣе опытные въ пропагандѣ ограничивались сотнями и десятками. Таковы упоминаемые въ „Исторіи Выговской пустыни“: Семень Хомкинъ, сгорѣвшій съ 470 челов., нѣкій Игнатій, сгорѣвшій съ своей семьей изъ 25 челов. и друг. 2) Еще менѣе было желающихъ погибать въ одиночку, по пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна“. Иванъ Филипповъ въ Исторіи Выговской пустыни приводитъ только одинъ примѣръ подобнаго рода, именно: старецъ Епифаній бросился за мученическимъ вѣнцомъ въ озеро. 3)

Самоубійства и убійства такого рода старцами—жрецами устраивались со всѣми предосторожностями такъ, чтобы ни одна попавшая въ ихъ когти жертва уже не могла выскользнуть.

Изъ вышеприведеннаго числа человѣческихъ жертвъ понятно, что кличъ старцевъ къ добровольному мученичеству не оставался гаасомъ вопіющаго въ пустынѣ. Перепуганные проповѣдью объ антихристѣ и скорой кончинѣ міра простые люди, по призыву пропагандистовъ спѣшили разстаться со всѣми земными привязанностями—бросали лачуги и хозяйство и шли туда, куда ихъ призывали, съ женами и дѣтьми. Жрецы—руководители, при помощи самихъ, обреченныхъ ими на смерть жертвъ, опрастывали для нихъ православные монастыри (наприм. Палеостровскій), изгоняя вонъ монаховъ, отнимали у православныхъ храмы и часовни, или нарочно строили въ глухихъ пустынныхъ дѣбряхъ особые сараи. *) Выбранное зданіе наполнялось людьми, готовившимися къ смерти, укрѣплялось, двери и окна заколачивались, кругомъ зданія и подъ самое зданіе складывалось множество горючаго матеріала: смолья, хвороста, береста, лучины, стружекъ, иногда селитры и пороха.

1) *Истор. о отцѣхъ лист. 57 и 58; Ист. Выгов. пуст. листъ 60.* 2) *Тамъ же стр. 60 и 62.*—3) *Тамъ же стр. 48.*

*) *Истор. Выговск. пуст. 31, 38, 45, 65 и друг. Палеостровскій монастырь служилъ притономъ для самоубійцъ два раза. Въ 1-й разъ сгорѣлъ здѣсь діаконъ Игнатій съ 2700; второй—Германъ съ 1500 человекъ.*

Но чтобы хотя сколько нибудь придать самоубійству видъ мученичества, старцы—руководители не торопились дѣломъ, ждали мучителей слугъ антихристовыхъ, въ образѣ православныхъ увѣщателей, или воинской команды. Для этого не требовались въ собственномъ смыслѣ мучители, пришедшіе раззорить гнѣздо несчастныхъ сумазбродовъ и подвергнуть ихъ истязаніямъ; достаточно было, если появлялся у зданія хотя одинъ православный человѣкъ съ цѣлью вразумить и остановить отъ задуманной гибели.

Случалось иногда, до начальства долго не доходили свѣдѣнія о томъ, что извѣстные старообрядцы приготовились къ добровольному мученичеству и ждутъ только мучителей. Во все это время обреченные на смерть люди должны были томиться въ небольшомъ сравнительно зданіи, переполненномъ людьми, претерпѣвая холодъ и голодъ. Между тѣмъ старцы продолжали принимать новыхъ пришельцевъ, не выпуская никого обратно. ¹⁾

Съ появленіемъ мнимыхъ мучителей сами старцы, обыкновенно, показывались на крышѣ, чтобы подразнить „антихристовыхъ слугъ“, поспорить съ ними, поиздѣваться. Иногда отстрѣливались; но по увѣренію Ивана Филиппова—не пулями, а простыми пыжами. ²⁾ Между тѣмъ помощники главныхъ жрецовъ, другіе старцы, внутри зданія хлопотливо готовили народъ къ смерти: перекрещивали, молились съ ними, пѣли псалмы, переодевали въ чистую одежду, укладывали на нары или на полъ, какъ укладываютъ покойниковъ въ гробъ, иногда ослабѣвшихъ въ намѣреніи и рвавшихся къ выходу связывали... ³⁾

Малѣйшее поползновеніе солдатъ приблизиться къ зданію служило сигналомъ къ горѣнію. Старецъ, издѣвавшійся съ крыши надъ мучителями, моментально скрывался во внутрь зданія, захлопнувъ за собою единственное отверстіе и прежде, нежели солдаты успѣвали прикоснуться къ укрѣпленному зданію, зданіе съ людьми начинало уже пылать. Подоженные селитра, порохъ, стружки и тому подоб. горючій матеріалъ моментально охватывалъ пламенемъ зданіе со всѣхъ сторонъ такъ, что иногда и приступить къ

¹⁾ *Ист. Выгов. пуст.* 65.—²⁾ *Тамъ же* 40, 57. ³⁾ *Тамъ же* 32—34.

нему не было никакой возможности. Теперь то большая часть несчастных, замуравленныхъ и начавшихъ испытывать ужасныя мученія, готовы были вырваться и зывали о помощи, но было уже поздно.

Бывали иногда, хотя и очень рѣдко, случаи, когда солдатамъ удавалось часть обгорѣвшихъ людей вырвать изъ пламени. Такъ, холмогорской командѣ однажды въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ пустынь Пормы, удалось проломать стѣну переполненной людьми и уже пылавшей часовни и вытащить изъ огня главныхъ виновниковъ пожара: старцевъ: Андроника и Иосифа (вышепомяну таго) и простыхъ старообрядцевъ обоого пола до 60 человекъ. Андроникъ вскорѣ померъ въ ужасныхъ мукахъ, Иосифъ сгорѣлъ послѣ, а спасенные старообрядцы разбрелись по домамъ и занялись хозяйствомъ, не думая больше о мученическихъ вѣнцахъ. Иванъ Филипповъ объясняетъ эту неудачу тѣмъ, что—съ одной стороны старецъ Иосифъ, вопреки совѣту діакона Игнатія, вздумалъ горѣть съ чужими учениками, съ другой—эти ученики, по своимъ грѣхамъ, не были достойны мученическихъ вѣнцовъ, потому и были вытащены, а достойные у двери сидѣли, да сгорѣли. *)

По увѣренію Ивана Филиппова, почти каждый случай самоожженія сопровождался чудесами: на примѣръ, всѣ видѣли, какъ діаконъ Игнатій изъ пламени восходилъ на небо; иногда съ наступленіемъ времени горѣнія сами собой зажигались свѣчи и впыхивали хворость и т. д.

Таковъ общій характеръ религиозныхъ самоубійствъ старообрядцевъ, выразившійся въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія въ Вѣломорскомъ краѣ, по преимуществу—въ самоожженіи, какъ болѣе скоромъ и удобномъ способѣ самоумерщвления. Этотъ характеръ носятъ на себѣ самоубійства и убійства и сибирскихъ старообрядцевъ прошлаго столѣтія. Но намъ полезно знать и частности, обуславливающія общее.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Сырцовъ.

*) *Исторія Вѣловской пустыни 45, 65, 66, 67.*

ТОБОЛЬСКІЯ СНАРХІЯНЫНА ВЪДОМОСТІ.

№ № 15 и 16.

1 и 16 Августа 1887 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ
XVII и XVIII столѣтіи. *)

II.

Первые провозвѣстники и первые плоды ученія о самоубійствѣ въ Сибири.

Въ Сибирь ученіе о религіозномъ самоубійствѣ, подѣ видомъ самосожженія, проникло изъ Россіи и стало примѣняться къ дѣлу съ первыми проповѣдниками раскола, т. е. еще во второй половинѣ XVII столѣтія. Самосожженіе Сибирскіе проповѣдники раскола на первыхъ же порахъ провозгласили „вторымъ неоскверняемымъ крещеніемъ“, которое обязательно для всякаго, желающаго спастись, такъ какъ „отъ воды крещеніе чловѣцы живы суще множицею оскверняютъ“. **) Поэтому оно привилось здѣсь несравненно прочнѣе, чѣмъ въ Россіи, и продолжало существовать дальше, охватывая по временамъ своимъ адскимъ огнемъ иногда цѣлыя области.

Первымъ провозвѣстникомъ ученія о самосожженіи въ Сибири былъ растрijenный изъ монашества и сосланный въ 1660 г. изъ Казани въ Енисейскъ старецъ *Иосифъ Истоминозъ*. По собственному

*) См. *Тобольскія снарх. вѣдом. сего года №№ 13—14.*

**) *III посланіе Иннатія митр. Тоб. 1855 г., стр. 124, 128.*

сознанію, Іосифъ былъ армянинъ, переселившійся въ Россію и принявшій православіе (замѣнивъ несторіанство) вмѣстѣ со своими родителями и братіями въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. До 1660 года онъ жилъ въ гор. Казани, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество. Когда патріархъ Никонъ приступилъ къ церковной реформѣ, Іосифъ явился жаркимъ защитникомъ двуперстнаго сложенія, къ которому привыкъ еще на родинѣ въ Арменіи, будучи несторіаниномъ. Это было причиною лишенія его монашескаго сана и ссылки въ Енисейскъ.

Наказаніе не привело Іосифа къ раскаянію, а только раздражило, и онъ рѣшился всѣми силами мстить Никону. На пути въ Сибирь и во время продолжительнаго пребыванія въ Енисейскѣ и въ Тобольскѣ, онъ всѣхъ и каждаго училъ: не ходить въ православные храмы, не вѣнчаться, не исповѣдываться, не причащаться святыхъ таинъ, не креститься тремя первыми перстами правыя руки, а креститься двумя, такъ какъ крестящійся троеперстнымъ сложениемъ печатается антихристовымъ знаменіемъ. Въ концѣ всего сталъ призывать къ „пагубѣ огненной“, называя оную вторымъ неоскверняемымъ крещеніемъ, имѣющимъ замѣнить часто оскверняемое людьми первое крещеніе отъ воды. *)

Въ 1684 году Іосифъ, послѣ 24 лѣтняго пребыванія въ Енисейскѣ, былъ вызванъ митрополитомъ Павломъ въ Тобольскъ, подвергнутъ обычнымъ увѣщаніямъ и пыткамъ и принесъ было раскаяніе во всемъ, но на этотъ разъ—ложное, вынужденное нестерпимыми пытками. Помѣщенный послѣ мнимаго раскаянія на жительство въ Тобольскій Знаменскій монастырь онъ снова „тайно началъ изрыгать ядъ своей ереси и учить приходящихъ въ монастырь: да творятъ на себѣ крестъ святой двѣма персты“. Послѣ десятилѣтней тайной проповѣди въ Знаменскомъ монастырѣ, Іосифъ вторично раскаялся въ 1693 году и вскорѣ затѣмъ померъ, въ мирѣ съ церковью.

Такимъ образомъ Іосифъ былъ яркимъ проповѣдникомъ раскола и между прочимъ самосожигательства въ теченіе цѣлыхъ 33 лѣтъ. Ему, правда, не удалось лично устроить ни одной „гари“ изъ чело-

*) *Игнатій митр. Тоб. посл. III, стр. 13, 16, 109, 110, 128.*

вѣческихъ тѣлъ, но проповѣдь его осталась далеко не безплодною.

Проповѣдь Іосифа нашла въ Сибири самую воспримчивую и плодотворную почву. Еще до кончины его, всюду, гдѣ онъ бывалъ, или куда разсылалъ свои посланія, явились многочисленные его послѣдователи и, между ними, новые проповѣдники раскола и ученія о самосожигательствѣ, болѣе фанатичные, чѣмъ онъ самъ. Таковы: бродячій старецъ Авраамъ Жидовинъ, тюменскій попъ Дометіанъ, бывшій казачій атаманъ Яковъ Лепехинъ изъ Верхотурья, какой-то Василій Шапошниковъ изъ Томска, Тарасій изъ Березова и Антоній Чупаловъ изъ Тобольска. Всѣ они, страствуя по городамъ и селамъ, учили въ духѣ Іосифа, говоря, что настало царство антихриста и скоро послѣдуетъ кончина міра, что православная церковь и православные іерархи предалися антихристу и поэтому не должно ни въ церковь ходить, ни духовный чинъ почитать, никакой святыни принимать, а по нуждѣ можно и безъ святыни обходиться, что, наконецъ, всякій не желающій попасть во власть антихриста, и такимъ образомъ погубить душу и тѣло, долженъ спѣшить креститься вторымъ неоскверняемымъ крещеніемъ отъ огня. *) Независимо отъ устной проповѣди и множества тетрадокъ, пущенныхъ этими лжеучителями въ народъ, Яковъ Лепехинъ, какъ „иконникъ“, написалъ и показывалъ простымъ людямъ картину, которая представляла Церковь Христову, изображенною въ видѣ обыкновеннаго храма, обвитою гигантскимъ змѣемъ (антихристомъ), испускающимъ ядъ свой на святыхъ тайны тѣло и кровь Христову. „И симъ листомъ“, говоритъ преосвященный Игнатій, „прельстяше, окаянный, простшіе сельныя жители: и покусися злочестивый Лепеха Церковь святую симъ листомъ своимъ во ушесѣхъ христіанъ осквернити“. **)

Тюменскій попъ Дометіанъ и томскій обыватель Василій Шапошниковъ, недовольствуясь проповѣдью объ антихристѣ, спеціально занялись устраиваніемъ самосожигательствъ.

Попъ Дометіанъ, совращенный въ расколъ Іосифомъ во время

*) Игнатій митр. Тоб. посл. I, стр. 13. Авраамій Жидовинъ, впрочемъ, возставалъ противъ самоубійствъ.

**) I посланіе, стр. 15, 16.

пребыванія его въ Тюмени, проѣздомъ изъ Казани въ Енисейскъ, бросилъ свой приходъ, семью и хозяйство, постригся, отъ какого то бродячаго старца Іоанна, въ монашество, принявъ новое имя *Даніилъ*, поселился на жительство въ лѣсу. Напуганный проповѣдью объ антихристѣ и скорой кончинѣ міра престои народъ отыскалъ пустынника Даніила и пошелъ къ нему за духовнымъ наставленіемъ толпами. Даніилъ всемъ твердилъ, что для спасенія ничего другаго не остается, какъ только принять второе крещеніе отъ огня. Нашлось множество простодушныхъ людей, вѣрившихъ Даніилу на слово, какъ пророку, или апостолу. Наконецъ собралась къ нему толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, около 1700 человекъ и рѣшительно заявила, что все готовы на добровольное мученичество. Даніилъ смутился и обратился за совѣтомъ къ своему духовному отцу лжеиноку Іоанну, жившему то же въ лѣсу, въ недалекомъ отъ него разстояніи. „Собрались ко мнѣ въ пустыню“, писалъ Даніилъ Іоанну, „добродѣтельныи мужіе же и жены, и дѣвы и отроцате, и просятъ все втораго неоскверняемаго крещенія огнемъ, что убо твоя святыня повелѣваетъ имъ сотворити“? Іоаннъ отвѣчалъ: „Заварилъ еси кашу, и, якоже хочещи, тако ю и да яси“.

Не смотря однако на неодобрительный отвѣтъ своего духовнаго отца, Даніилъ рѣшился удовлетворить желаніе собравшейся къ нему, обольщенной имъ толпы, тѣмъ болѣе, что къ самосожженію уже были почти покончены все приготовленія: построены избы и выкопаны подъ ними могилы, оставалось только понатаскать побольше легко воспламеняющагося матеріала, въ родѣ хвороста, лучины, соломы и т. п.

По примѣру бѣломорскихъ старцевъ сожигателей, Даніилъ, однако, не хотѣлъ горѣть иначе, какъ въ присутствіи „мучителей, слугъ антихристовыхъ“, чтобы, такимъ образомъ, самоубійство сдѣлать „добровольнымъ мученичествомъ“. Не стало дѣла и за этимъ. Какъ сдѣлалось извѣстно о намѣреніи Даніила со всеми своими послѣдователями предать себя огню, митрополитъ Тобольскій Павелъ I поспѣшилъ послать на мѣсто происшествія нѣсколько іереевъ и добродѣтельныхъ мужей, чтобы образумить несчастныхъ кроткими увѣщаніями. Но на увѣщанія этихъ посланныхъ Даніилъ и его послѣдователи отвѣчали „многими хулами на святую церковь,

на царя и на архіереевъ“. Тогда изъ Тобольска былъ посланъ отрядъ солдатъ, чтобы силою разогнать собравшихся для самосожженія; къ отряду присоединилось множество постороннихъ людей, желавшихъ вырвать изъ рукъ изувѣра друзей, родственниковъ, иногда родителей и дѣтей. Не мало солдаты и народъ взывали къ обольщеннымъ и засѣвшимъ въ укрѣпленныхъ избахъ раскольникамъ: „да не погубятъ себя въ безуміи своемъ, но да изыдутъ каждый въ свой домъ и да покаются предъ Богомъ“. На этотъ разъ въ отвѣтъ на увѣщанія показался во всѣхъ зданіяхъ пламень; прошло затѣмъ нѣсколько минутъ и несчастные въ числѣ 1700 челов. свалились въ заранѣе приготовленныя могилы и были завалены головнями и раскаленнымъ углемъ. *) Это былъ, кажется, первый примѣръ самосожженія въ Сибири. Вслѣдъ за этимъ было устроено и другое самосожженіе, уже другимъ лицомъ и въ другомъ мѣстѣ.

Виновникомъ втораго случая самосожженія раскольниковъ былъ вышеупомянутый томскій обыватель *Василій Шапошниковъ*, другъ и единомышленникъ *Даніила Шапошниковъ* хотѣлъ устроить самосожженіе на своей родинѣ въ Томскѣ, чтобы доставить мученическіе вѣнцы своимъ землякамъ. По свидѣтельству томскаго православнаго старца *Гурія*, Шапошниковъ обращался къ жителямъ г. Томска съ такою рѣчью: „отступайте отъ святыя церкви и не ходите въ нее на минуту, потому что всякій, посѣщающій православныя храмы оскверняется и бываетъ антихристу рабъ“. Пропаганда его скоро сдѣлалась извѣстною настоятелю томскаго *Алексѣева монастыря* архимандриту *Варлааму* и десятильному тобольскаго митрополита нѣкому мірянину. Шапошниковъ былъ этими представителями духовной власти призванъ къ отвѣту. Впрочемъ, *Варлаамъ* и десятильникъ, задобренные будто бы Шапошниковымъ, не признали его виновнымъ въ пропагандѣ и даже запретили другимъ на него доносы.

Тогда Шапошниковъ съ своими учениками и послѣдователями удалился въ лѣсъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поскорѣе уст-

*) I послан. митр. *Инатія* л. 123, 127. По Сибирской летописи сгорѣло 2400 челов. См. *Синодикъ въ приложеніи*.

роить желанное самоубійство. По обычаю, были приготовлены избы со всѣми приспособленіями для надежнаго и скорого горѣнія. Но послѣ оказалось, что самъ Шапошниковъ вовсе не имѣлъ ни желанія, ни намѣренія горѣть. Въ этихъ видахъ имъ былъ устроенъ отъ предназначенныхъ къ сгорѣнію съ людьми избъ подземный выходъ, чрезъ который онъ думалъ выбраться во время самага пожара, захвативъ и тѣ сокровища, которыя должны были остаться послѣ погибшихъ. О намѣреніи Шапошникова устроить страшное убійство стало извѣстно томскому воеводѣ; но воевода не зналъ, какъ въ этомъ случаѣ поступить, и обратился за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія въ Тобольскъ къ митрополиту Павлу. Митрополитъ отписалъ воеводѣ: „да повелить увѣщевать собравшихся, словесы отъ Божественнаго писанія, тамошнимъ Томскаго града священному чину“.

Вслѣдствіе этого изъ Томска, въ лѣсъ, къ Шапошникову были посланы для вразумленія отрядъ солдатъ и нѣсколько священниковъ.

Когда православные священники начали говорить къ засѣвшимъ въ избахъ и совѣмъ уже приготовившимся къ „добровольному мученичеству“: „да престануть отъ таковаго неистовства и да не погубятъ себя самихъ огнесожженіемъ“, тогда Василій Шапошниковъ, взобравшійся на крышу одной избы, отвѣчалъ отъ лица всѣхъ: „Мы здѣшнимъ огнемъ горимъ, вы же горите и нынѣ вѣчнымъ огнемъ“... „Отъидите отъ насъ дальше: егда загорится наша храмина и начнетъ селитра и порохъ рваться, тогда васъ бревнами всѣхъ прибьетъ“. На самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству одной дѣвицы, оставшейся случайно въ живыхъ, селитры и пороху было въ кадахъ и корчагахъ ничтожное количество, такъ что не могло случиться большихъ взрывовъ. Шапошниковъ же этимъ манеромъ хотѣлъ испугать солдатъ и увѣщателей и заставить отойти подальше отъ пожарища, чтобы свободно было самому во время суматохи скрыться чрезъ потайной ходъ. Солдаты и священники поддались обману и поспѣшили отойти отъ избъ. Тогда, по словамъ той же дѣвицы, Шапошниковъ обратился къ ожидающимъ смерти жертвамъ и сказалъ: „Я сейчасъ выйду изъ избы, подожду въ извѣстныхъ мѣстахъ и снова возвращусь сюда“.

Но тайный его замысел былъ разгаданъ одной изъ жертвъ— дѣвицей. Последняя сказала: „пустъ онъ самъ не выходить, а пошлетъ поджещи избы какую нибудь малую отроковицу“: Шапошниковъ стоялъ на своемъ и намѣревался выйти. Тогда обольщенные имъ жертвы ухватились за него крѣпко, говоря: „насъ хочешь погубить, а самъ желаешь спастись“, и такимъ образомъ удержали его. Между тѣмъ для поджога была выслана небольшая дѣвочка, которая исполнила свое дѣло добросовѣстно, не возвратившись въ пылавшія храмины, гдѣ скоро погибли и самъ Шапошниковъ и всѣ обольщенные имъ раскольники. *)

Такъ положено было въ Сибири начало самосожженію въ концѣ XVII столѣтія. И начало, нужно сказать, слишкомъ удачное. Первыми примѣрами раскольники были такъ увлечены, что наповаль лезли въ огонь. Мы привели изъ конца XVII столѣтія только два случая, замѣчательныя по руководителямъ самосожженій; но ихъ было за это время несравненно больше. Сибирская лѣтопись намъ передаетъ еще о слѣдующихъ случаяхъ, гдѣ поджигатели неизвѣстны.

Въ 1687 году въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ лѣсу около Киргизской слободы сгорѣло 100 человѣкъ. Въ томъ же 1687 году въ Тюменскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Тегенкѣ въ 50 верстахъ отъ Тюмени сгорѣло до 300 челов., при чемъ изъ оконъ выскочили два старца и двѣ старицы, которыя и были взяты прибывшими на пожарище солдатами. Въ томъ же 1687 г. на рѣкѣ Пышмѣ Куровской слободы въ деревнѣ Боровиковой въ домѣ одного раскольника сгорѣло до 150 челов. Въ 1688 г. въ Тобольскомъ уѣздѣ Коркинской слободы въ дер. на Юмачѣ въ своихъ домахъ сгорѣло мужчинъ, женщинъ и дѣтей до 50 человѣкъ. **)

Присутствовали, или нѣтъ при этихъ самосожженіяхъ, такъ называемые раскольниками, „мучители слуги антихриста“,—лѣто-

*) *Ипатій митр. Тоб. III послан., стр 131—135.*

**) *Лѣтоп. сибирскій, напечат. въ Древней Россійской Визлювикѣ Н. Новикова изд. 2. 1788 г. ч. III, стр. 264, 268, 269. Въ семинарскомъ рукописномъ лѣтописи упоминается еще о самосожженіи въ 1682 году въ Утлицкой слободѣ 104 челов. См. мѣстъ 143 обор.*

пись объ этомъ, исключая случая на рѣкѣ Тегенкѣ, ничего не говоритъ, хотя бы это для насъ было очень важно при рѣшеніи вопроса о томъ: всегда ли сибирскими старообрядцами соблюдалось строгое правило бѣломорскихъ поджигателей—горѣть непременно на глазахъ „мучителей“. Впрочемъ, случаи самосожженія въ собственныхъ домахъ, безъ особыхъ приготовленій, даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что сибирскіе старообрядцы не всегда нуждались въ „мучителяхъ“.

Во всякомъ случаѣ духовное и гражданское начальство было довольно озабочено прекращеніемъ небывалаго въ исторіи рода человѣческаго пожара и принимало мѣры, иногда не безуспѣшно. Въ 1687 году, на примѣръ, командированнымъ изъ Тобольска въ Верхотурскій уѣздъ соборному ключарю Іоанну Васильеву, боярскому сыну Афанасью Ушакову и подъячему Стефанову въ Киргизской слободѣ, на Юрмачѣ, удалось вразумить и разогнать по домамъ до 350 чел., совсѣмъ уже приготовившихся къ смерти. *)

Но замѣчательнѣе всего то, что сибирскіе раскольники, доведенные первоучителями до полного фанатизма, стремились навязать „мученическіе вѣнцы“ и православнымъ, и прибѣгали въ этомъ случаѣ къ ужаснымъ, до сихъ поръ потрясающихъ душу, средствамъ. Въ сибирской лѣтописи подъ 1687 г., 27 марта, описанъ слѣдующій ужасный фактъ: Тюменскаго уѣзда въ село на Каменкѣ собралось на 27 марта къ пасхальной утрени разныхъ деревень православныхъ жителей обоюга пола до 400 челов. Въ полночь началась въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы утрени. Во время самага торжества, вдругъ, церковь, переполненная до крайней тѣсноты народомъ, загорѣлась, снизу изъ подъ трапезы и паперти. Въ нѣсколько минутъ огонь проникъ въ самый храмъ и загородилъ выходъ. Народъ бросился къ окнамъ и нѣкоторымъ дѣйствительно удалось выскочить изъ пламени, но за то убивались до смерти отъ паденія на землю съ большой высоты, и не многіе только отдѣлались увѣчьями. Всѣ остальные, до 250 человѣкъ, погибли въ пламени, вмѣстѣ съ причтомъ и со святыней храма. И виновниками этого ужаснаго пожара, въ свѣтлый Хри-

*) *Лѣтопись Новикова, стр. 164 и 168.*

стовъ праздникъ, когда все смертные приглашались ко всеобщей радости и любви,—были раскольники, подбросившіе и воспламенившіе подъ церковью порохъ, „да хотящіе и не хотящіе“ спасутся! *)

Тѣмъ же старообрядцамъ сибирскій лѣтописецъ приписываетъ и пожаръ въ Тобольскѣ, происшедшій 26 апрѣля 1687 года, при чемъ сгорѣли: двѣ соборныя церкви, и церковь Ильи Пророка съ колокольнею, гостинные ряды, оба приказа, гостинный дворъ, двѣ Спасскія церкви: на посадѣ: мірскіе дворы и церкви: Знаменья Пресвятыя Богородицы и Архистратига Михаила, безъ остатка и, наконецъ, татарскія слободы. **) Можетъ быть этотъ поджогъ былъ сдѣланъ и не съ цѣлью доставить „нехотящимъ“ мученическія вѣнцы, а изъ мщенія? Но онъ характеристичнѣе въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о крайнемъ фанатизмѣ раскольниковъ этого времени, готовыхъ на все ужасное, ради побѣды надъ антихристомъ и слугами его. Объ этомъ же, конечно, свидѣтельствуетъ и такого рода обстоятельство, занесенное въ сибирскую лѣтопись подъ 1679 годомъ. 20 апрѣля, въ день Пасхи, только что прибывшій въ Тобольскъ новый митрополитъ *Павелъ* (1679—1682 г.) торжественно шелъ въ соборъ для служенія литургіи, при чемъ пѣли „Христось воскресе“, по новому, а не „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи и гробнымъ животь дарававъ“, какъ пѣли въ Тобольскѣ до сихъ поръ. Литургія была совершена тоже по исправленному служебнику. Вотъ, литургія кончилась и митрополитъ возвращается въ свои покои, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ и народомъ. Въ это время, вдругъ, выступаютъ изъ толпы три старца—раскольника и грубо обращаются къ митрополиту съ такою рѣчью: „Что ты, владыка, за новую вѣру привезъ и все перемѣнно, а не по уставу церковному службу Божию отправляешь“; при чемъ и иныя многія слова произносили, латинистомъ и противникомъ вѣры называли митрополита. ***)

Со смертію первыхъ учителей и руководителей, самосожженія въ Сибири прекратились почти на полстолѣтія, пока не нашлись

*) *Сибирск. мѣстоп. стр. 164 и 168.*

**) *Тамъ же стр. 164.*

***) *Семинарскій мѣстописецъ листъ 140.*

новые фанатики—руководители. Въ теченіи 50-ти лѣтъ т. е. первой половины прошлаго столѣтія историческіе памятники и сибирская лѣтопись упоминають только о четырехъ случаяхъ самосожженій, не выдающихся притомъ большею численностью жертвъ, именно: Въ 1722 году Ишимскаго дистрикта близъ Коркиной слободы въ дер. Зырянской на рѣкѣ Ишимѣ, въ заимкѣ раскольника Ивана Смирнова, сгорѣло нѣсколько человѣкъ, собравшихся изъ разныхъ деревень.

Въ томъ же дистриктѣ, Адбатской слободы въ деревнѣ Выревской, сгорѣло около этого же времени еще нѣсколько человѣкъ „самохотно“.

Въ 1724 году Тюменскаго уѣзда за рѣкою Пышмою въ одной пустынѣ собралось 190 чел., но сгорѣло только 145, а остальные разбѣжались. ¹⁾

Въ 1743 г. въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ Бѣлоярской крѣпости (въ 16 верстахъ отъ Барнаула) сгорѣло 18 человѣкъ. ²⁾

О другихъ видахъ самоубійствъ и убійствъ ради царствія небеснаго сибирскіе раскольники почти до нынѣшняго столѣтія совсѣмъ не знали, ³⁾ тогда какъ русскіе раскольники—поморцы, особенно въ концѣ XVII вѣка не рѣдко умерщвляли себя и другихъ посредствомъ голодной смерти, воды и ножа. ⁴⁾

И. Сырцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Семинарскій лѣтоп. стр. 195, 197; ²⁾ Русская мысль 1885 г. книга II, стр. 87; ³⁾ Рѣдкіе случаи мы приведемъ въ своемъ мнѣніи; ⁴⁾ Русская мысль 1885 года кни. 1, 2 и дру.

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ № 17 и 18.

1 и 16 Сентября 1887 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи.

III.

Состояніе раскола въ Сибири въ половинѣ прошлаго столѣтія. *)

Въ Сибири склонность старообрядцевъ къ религиознымъ самоубійствамъ и убійствамъ держалась, какъ было уже замѣчено, несравненно сильнѣе и можетъ быть возбуждена несравненно легче, чѣмъ въ Россіи. Это главнымъ образомъ зависитъ отъ того характера, которымъ отличается сибирскій расколъ отъ раскола русскаго и отъ другихъ многихъ условій жизни, свойственныхъ только Сибири. Расколъ въ Сибири съ самаго начала получилъ болѣе рѣзкій безпоповщинскій характеръ, и не только никогда не смягчался, напротивъ все болѣе и болѣе ожесточается. Отдаленность отъ русскихъ поповщинскихъ центровъ пріучила сибиряковъ обходиться безъ поповъ; поэтому они почти никогда не знали дѣленія на поповщину и безпоповщину съ многочисленными подраздѣленіями

*) См. №№ 15—16 *Тобол. епарх. вѣдом. сего года.*—*Матеріалъ для написанія III и смѣд. главъ взятъ изъ дѣлъ Тобольской духовной Консистоіи о самосожигательствахъ. По описи архива №№: 81—(1750 г.), 185—(1751), 42—(1763) и дру.*

и до сихъ поръ весьма равнодушны къ появившимся во множествѣ понамъ австрійскаго посвященія. Наплывъ ссыльныхъ и добровольно идущихъ изъ Россіи ожесточенныхъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, свободно странствующихъ по Сибири, всегда служилъ и служить къ поддержанію и развитію ученія о народившемся и царствующемъ въ мірѣ антихристѣ, такъ что это ученіе принимаютъ къ сердцу положительно все сибирскіе старообрядцы. *) Воздвигаемая, по временамъ, преслѣдованія старообрядцевъ и принужденія къ принятію православія, когда ихъ оставляли болѣе или менѣе въ покоѣ въ Россіи и непосильные налоги и поборы со стороны гражданской власти часто ставили сибирскихъ раскольниковъ въ такое безвыходное положеніе, что самоубійство представлялось почти единственнымъ исходомъ. Таковъ общій характеръ сибирскаго раскола.

Но въ половинѣ прошлаго столѣтія на дѣло сибирскихъ старообрядцевъ выпало такое испытаніе, какого они не претерпѣвали ни раньше ни послѣ. Объ этомъ теперъ и будетъ наша рѣчь.

По официальнымъ записямъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, численность старообрядцевъ въ Сибири не простиралась дальше 6000 душъ обоего пола. Въ 1760 году, напримѣръ, ихъ было по духовнымъ росписямъ 5875 душъ, именно въ заказахъ: тюменскомъ 98, краснослободскомъ 526, ялуторовскомъ 49, рафаиловскомъ 222, воскресенскомъ 87, троицкомъ 8, далматовскомъ 237, екатеринбургскомъ 863, демидовскомъ 3442, ишимскомъ 2, Тарскомъ 16, томскомъ 109 и барнаульскомъ 216. **) Но это только старообрядцы, записавшіеся въ 1745 году, во время генеральной ревизіи, въ двойной подушный окладъ.

Несравненно было больше старообрядцевъ, незаписанныхъ въ двойной окладъ, „потаенныхъ“, считавшихся по духовнымъ

*) Все приведенное мною не разъ было проверено чрезъ личное знакомство съ сибирскими раскольниками, въ бытность на службѣ въ городѣ Барнаумъ.

**) Дѣло объ учрежденіи въ 1760 г. въ Екатеринбургѣ комисіи о раскольникахъ. По отиси Тобол. духов. консист. 1761 г. № 155. Мы имѣемъ въ виду только Западную Сибирь.

росписямъ православными. Это подтверждается множествомъ случаевъ самоожженій, когда вмѣстѣ съ записными старообрядцами горѣли и незаписные. Такъ, въ числѣ сгорѣвшихъ 8 февраля 1751 года 68 чел., жителей Куртамышскаго прихода, воскресенскаго заказа, было незаписныхъ 60 чел., которые, по отзыву мѣстнаго духовенства, „были подлинно нераскольники и потаеннаго расколу не имѣли, и всякія требы отъ нихъ священниковъ имъ отправляемы были“. Въ числѣ сгорѣвшихъ на 22 марта 1751 г. въ дер. Гусевой, тюменскаго заказа, 74 чел., было незаписныхъ 25 чел. Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ въ тюменскомъ заказѣ сгорѣло 70 чел., жителей разныхъ селеній, въ числѣ коихъ не было ни одного записнаго раскольника. Словомъ, духъ старообрядческихъ вѣрованій и убѣжденій носился надъ всей Сибирью и число приверженцевъ церковной старины едва ли не превышало числа истинныхъ членовъ церкви.

Большая часть старообрядцевъ предпочитали оставаться „потаенными“ раскольниками во избѣжаніе двойнаго оклада и тѣхъ притѣсненій, какія дѣлались записнымъ раскольникамъ со стороны духовныхъ и гражданскихъ представителей власти. Въ этомъ укрывательствѣ раскольникамъ помогали иногда и приходскіе священники, записывая явныхъ раскольниковъ въ число православныхъ, чтобы большимъ числомъ въ своемъ приходѣ раскольниковъ не навлечь на себя гнѣвъ и преслѣдованіе со стороны строгихъ тобольскихъ митрополитовъ и консисторіи. Митрополиты и консисторія знали объ этомъ послабленіи расколу со стороны мѣстныхъ священниковъ и постоянно напоминали закащикамъ (благочиннымъ), чтобы они наблюдали за правильнымъ показаніемъ причтами числа раскольниковъ, поощряли частныхъ докащиковъ, предавали священниковъ—укрывателей суду и наказывали. Митрополитъ Павелъ, въ 1760 году, даже открылъ въ Екатеринбургѣ особую комиссію изъ духовныхъ лицъ, которой поручилъ привести въ извѣстность всѣхъ незаписныхъ раскольниковъ. Но ничто не помогало: комиссія еще болѣе убѣдила митрополита, что открыть дѣйствительное число раскольниковъ нѣтъ никакой возможности, что раскольниковъ скрываютъ не только простые священники, но и протопопы—закащики. Къ числу укрывателей принадлежали первые члены

коммисіи протопопъ Кочневъ и священникъ Воинственный, за что и были, какъ увидимъ впереди, удалены изъ коммисіи и строго наказаны.

Между тѣмъ по раскольниковымъ и православнымъ селамъ и деревнямъ бродило множество поповъ, старцевъ и старицъ—пропагандистовъ, которые систематически развивали, укрѣпляли и ожесточали расколъ по Сибири. Невьянскій желѣзнодорожный, демидовскій, густонаселенный заводъ былъ настоящимъ разсадникомъ такихъ бродягъ, жившихъ подъ покровительствомъ заводскаго начальства. Для нихъ здѣсь существовала богадѣльня, въ которой они были только записаны, но почти никогда не жили. Жили же они большею частію по деревнямъ въ домахъ богатыхъ раскольниковъ и по пустынямъ въ своихъ кельяхъ и пещерахъ, проповѣдуя раскольниковое ученіе и исполняя священныя требы, и были извѣстны въ Сибири подъ именемъ „невянскихъ нищихъ“, „богадѣльщиковъ“.

Въ богадѣльню Невьянскаго завода стекались разные бродяги, иногда бѣжавшіе изъ остроговъ и изъ подъ монастырскаго надзора, изъ Москвы, Нижняго, Архангельска, словомъ со всѣхъ сторонъ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Невьянской богадѣльнѣ считалось такихъ нищихъ больше 300 челов. Но по одной повѣркѣ мѣстнаго начальства оказалось налицо въ богадѣльнѣ только 50 челов. (изъ 286), самыхъ немощныхъ,—всѣ остальные были въ разбродѣ, на проповѣди.

Въ 1761 г. собранные изъ разныхъ мѣстъ въ Екатеринбургъ „потаенные“ раскольники, предъ коммисіей дали показанія относительно исправленія требъ у раскольниковскихъ старцевъ въ такомъ родѣ: „Мы ходимъ крестить дѣтей, вѣнчаться, исповѣдываться и причащаться на Кузину гору, гдѣ всегда проживаютъ попы и старцы“. Раскольникъ Меркурій Рязановъ, въ частности, говорилъ, что онъ женился въ 1759 г. на дочери раскольника Татьянѣ Тарасовой и вѣнчался за рѣкой Пышмою, въ лѣсахъ, въ пустынной кельи, у раскольниковскаго попа Петра Иванова, которому за вѣнчаніе заплатилъ 50 коп. и который во время вѣнчанія на головы ихъ, вмѣсто вѣнцовъ, накладывалъ иконы, и послѣ вѣнчанія исповѣдывалъ и причащалъ, а чѣмъ,—онъ Рязановъ не знаетъ.

Раскольникъ Федоръ Балясниковъ показывалъ: „крещенъ я раскольническимъ попомъ въ нижегородской губерніи, вѣнчался въ черновисинскихъ лѣсахъ, на Кузиной горѣ, въ кельи у попа Василья, которому и далъ за это рубль; изъ шестерыхъ дѣтей пятеро крещены тѣмъ же попомъ Васильемъ, а одинъ попомъ Петромъ, поселившимся на той же Кузиной горѣ“. Въ этомъ родѣ дано было предъ комиссіей до двадцати показаній, при чемъ указывались различные попы и старцы, проживающіе въ разныхъ мѣстахъ.

Когда по близости не находилось бѣглыхъ поповъ, старообрядцы, какъ мы выше замѣтили, нисколько не стѣснялись обращаться за выполніемъ требъ къ простымъ мужикамъ—старцамъ и старицамъ. Въ 1750 г. въ Нижнетагильскѣ былъ пойманъ мѣстнымъ духовенствомъ „превеликій волхвъ въ чернеческомъ платьѣ, знающій многіе языки и выдающій себя за діакона Севастіана“, который у потаенныхъ раскольниковъ, живущихъ подъ видомъ православныхъ, „пребеззаконно исполнялъ всякія требы: крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдывалъ, причащалъ, погребалъ и тому под. и, въ довершеніе всего, всѣхъ уговаривалъ къ самосожигательству“. Въ томъ же 1750 г. челябинскій закащикъ священникъ Петръ Флоринскій, проѣзжая въ Уйскую крѣпость для освященія новой церкви, въ 12 верст. отъ дер. Увельской, въ пустынномъ мѣстѣ наткнулся на людей, скрывавшихся въ каменныхъ разсѣлинахъ, приспособленныхъ къ жизни, на подобіе келій. Всѣхъ обитателей—„пещерниковъ“ оказалось 7 челов., изъ коихъ пятеро мужчинъ и двое женщинъ. Между ними пришедшіе изъ далека крестьяне Степанъ Петровъ и Никита Журавлевъ были наставниками и исполнителями всякихъ требъ. При нихъ были найдены: небольшой сосудъ съ завернутыми въ бумажкѣ крохами пшеничнаго хлѣба (запасные дары), маленькая деревянная чашечка, замѣняющая потиръ, нѣсколько осмигонечныхъ крестовъ, написанныхъ на бумагѣ и молитвенникъ. Петровъ и Журавлевъ первые пришли и поселились въ каменной разсѣлинѣ и начали было призывать къ себѣ окрестныхъ раскольниковъ, учить ихъ и готовить къ самосожигательству, но закащикъ Петръ Флоринскій помѣшалъ имъ въ дальнѣйшей проповѣди, представивъ въ Тобольскѣ въ губернскую канцелярію.

Своихъ духовныхъ отцевъ старообрядцы оберегали отъ преслѣдованія со стороны властей всѣми способами и даже, когда было нужно, защищали силою. Въ 1760 году было забрано изъ Исетской провинціи въ Тобольскую консисторію оговоренныхъ разными докащиками въ укрывательствѣ бѣглыхъ поповъ и лжеучителей до 43 раскольниковъ. Всѣ они были допрошены по тогдашнему обыкновенію „съ пристрастіемъ“, т. е. при помощи кнута и другихъ орудій пытокъ, и нѣкоторые изъ нихъ признались, что въ Исетской провинціи дѣйствительно скрываются до 15 чел. поповъ и старцевъ. За отысканіемъ и поимкою бродягъ были немедленно командированы священникъ Іосифъ Нагибинъ и поручикъ сибирск. баталіона Полтыревъ съ небольшою командою. Въ началѣ ихъ поиски были удачны: они успѣли захватить, заковать и взять съ собой нѣсколькихъ бродягъ, при чемъ были отобраны у разныхъ пристанодержателей, какъ вещественныя доказательства пропаганды старцевъ, священныя сосуды, какъ-то: дароносицы съ запасными крупицами пшеничнаго хлѣба, потиръ, дискосъ, лжица, архіерейское облаченіе и т. п. Но вскорѣ затѣмъ пришлось не только лишиться того, что имѣли уже въ своихъ рукахъ, но и испытать за свое усердіе жестокіе побои.

Прибывъ 31 января 1761 г. въ деревню Ильинскую, священникъ Нагибинъ и поручикъ Полтыревъ, по указанію „доказателя“ крестьянина Порошина, котораго они возили съ собой по всѣмъ селеніямъ, захватили здѣсь попа Козьму Безденежнаго. Лишь только стало объ этомъ извѣстно жителямъ деревни Ильинской, послѣдніе немедленно сбѣжались въ числѣ около 100 человѣкъ съ оглоблями, стягами и дубинами, атаковали священника Нагибина и поручика Полтырева съ командою изъ 15 чел., избили ихъ до полусмерти, нѣкоторыхъ изувѣчили, и переломали у солдатъ всѣ ружья. Когда очередь дошла до Порошина, котораго ильинцы считали главнымъ виновникомъ своей бѣды, то, послѣ жестокихъ побоевъ, заломили ему назадъ руки и ноги, притянули ихъ къ самой шеѣ, закрѣпили веревкой и въ такомъ положеніи самого бросили въ снѣгъ. Справившись со всѣми, раскольники прежде всего освободили забранныхъ Нагибинымъ съ товарищами бродягъ попа Безденежнаго и другихъ. Затѣмъ, подкинувъ кое что изъ

своихъ пожитковъ въ воза Нагибина и Полтырева, отправили ихъ съ командой подъ своимъ строгимъ карауломъ въ Исетскую канцелярію, какъ грабителей и разбойниковъ.

Подобныхъ случаевъ защиты, со стороны раскольниковъ, бродягъ—проповѣдниковъ можно бы здѣсь представить цѣлый рядъ; но мы ограничиваемся только однимъ выдающимся случаемъ потому, что въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ намъ придется наталкиваться на такого рода явленія еще не разъ.

Главную задачу всѣхъ бродягъ проповѣдниковъ раскола было: внушить простому народу, что настало послѣднее время и близка уже кончина міра, что въ мірѣ давно уже (съ 1666 года) царствуетъ антихристъ (мысленный, а не личный), который подчинилъ своей власти всѣхъ людей, исключая только не многихъ, сохранившихъ старыя до-никоновскіе церковныя порядки и обычаи, что духовная и гражданская власти служатъ не Богу, а сатанѣ—антихристу, что, наконецъ, къ избѣжанію антихристовой прелести остается одно средство,—это самоубійство, и въ особенности—„неоскверняемое крещеніе отъ огня“. И въ подтвержденіе всего этого указывалось народу на народныя бѣдствія, непосильные налоги и повинности, притѣсненія, преслѣдованія и всякаго рода несправедливости со стороны духовной и гражданской власти, со стороны даже ничтожныхъ ярыжекъ и приходскаго духовенства. Все это по ученію старцевъ—признаки царствованія антихриста, предсказанные въ Божественномъ откровеніи.

Дѣйствительно, положеніе сибиряковъ—поселянъ половины прошлаго столѣтія было слишкомъ печальное, чтобы не сказать—ужасное, не выносимое. Кто только ихъ не притѣснялъ, не обижалъ, не обиралъ?...

Гражданской власти до раскольниковъ, безъ почина власти духовной, не было никакого дѣла; но она отягощала раскольниковъ наравнѣ съ прочими поселянами чрезмѣрными налогами и разными натуральными повинностями, а по временамъ и незаконными поборами. Тобольскій губернаторъ Чичеринъ въ 1753 году писалъ командиру Сибирскаго корпуса, генералу Ширингеру относительно народныхъ тягостей слѣдующее: „Предаю въ великодушное вашего превосходительства разсмотрѣніе: понинѣ вновь

наложенному подушному окладу всякая душа заплатить должна въ казну 2 руб. 70 коп. подушныхъ денегъ; располагая въ то число малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ, выбылыхъ (умершихъ) и командированныхъ для взводу дощаниковъ, то по послѣдней мѣрѣ долженъ всякій работникъ заплатить за пять душъ, и то составить 13 руб. 50 коп. Какое это отягощеніе бѣдному крестьянству, — они же притомъ всякую ямскую тягость несутъ, всѣмъ воинскимъ проходящимъ командамъ конвой давать должны; къ тому же ялutorовскій и ишимскій дистрикты пограничными состоятъ къ киргизамъ, на которыхъ (крестьянъ) жители всю свою надежду отъ набѣговъ полагаютъ. Что же всего важнѣе, по извѣстному отъ меня къ вашему превосходительству секретному сообщенію, нѣкоторыя важнѣйшія мнѣ внутреннія подозрѣнія открываются. Въ предосторожность того до полученія отъ вашего превосходительства сообщенія, сей бѣдный народъ вооружить и къ оборонѣ готовымъ сдѣлать, отъ меня во всѣ мѣста ордеровано*. *)

Въ 1756 г. жители Томской провинціи, Чаусскаго острога, разныхъ деревень Иванъ Носковъ, Михайлъ Тропинъ, Степанъ Мальцевъ и другіе, въ числѣ 15 чел., подали въ Чаусскую судную контору отъ лица всѣхъ собравшихся и уже приготовившихся горѣть въ числѣ около 200 челов. раскольниковъ, „извѣстіе“, въ которомъ, указывая, какъ на одно изъ побужденій къ самоубійству, на народныя тягости, выставляютъ на видъ слѣдующія несправедливости къ себѣ со стороны гражданскихъ властей.

Въ 1747 г., говорится въ извѣстіи, начальствомъ было возложено на каждаго жителя отправить по возу, по два и по три казеннаго провіанта до Ямышевской крѣпости. Жители разныхъ селеній приняли провіантъ, доставили къ мѣсту въ сохранности и сдали подѣ квитанціи. Вскорѣ изъ Тобольской губернской канцеляріи послѣдовалъ указъ о выдачѣ имъ за каждый возъ по 12 руб. Деньги раздать поручено было посадскимъ Прокопью Титову и Федору Устюжанину. Но они вмѣсто 12 руб. отдали только по

*) Труды Акмол. Стат. Комит. 1881 г. ч. I стр. 46. Отзывъ этотъ былъ вызванъ просьбою г. Ширитера о высылкѣ въ Омскую крѣпость деревенскихъ мужиковъ для пополненія крѣпостной команды.

5 и 6 руб. за возъ. Обыватели пожаловались на нихъ комиссару Прокопью Соболевскому. Соболевскій приказалъ имъ досмотрѣть пожитки Титова и Устюжанина и объявить въ судной избѣ. Пожитковъ оказалось на 44 руб., о чемъ и было объявлено въ судной избѣ и комиссару. Но Титовъ пожаловался на извощиковъ Томской воеводской канцеляріи, объявляя, что они обобрали его со всѣмъ. Томская канцелярія, не входя въ разбирательство дѣла, дала Титову указъ на право взысканія съ нихъ обывателей 540 руб., которые и были взысканы.

Въ 1753 году обывателямъ разныхъ селеній, приписанныхъ къ Чаусскому острогу, приказано было пригнать въ дер. Кабанову 285 подводъ подъ казенный провіантъ и, принявъ провіантъ, доставить оный въ Колывано-Воскресенскій заводъ. Подводы были отправлены, а принимали ихъ нарочно командированный изъ Барнаульскаго завода солдатъ Илья Безголовый и посадскій Михаилъ Басовъ. Приемщики забраковали всѣхъ лошадей и наняли подъ провіантъ со стороны, а съ жителей, обязанныхъ доставить подводы, было взыскано по 5 руб. 50 коп. за каждую подводу.

Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же году, потребовалось подъ провіантъ опять 285 подводъ. На этотъ разъ посадскій Басовъ, распорядившійся отправкою провіанта, уже не потребовалъ отъ обывателей подводъ, а прямо нанялъ постороннихъ вощиковъ на счетъ обывателей и донесъ о томъ Томской канцеляріи. Томскій воевода Микулинъ и „съ приписью“ Соколовъ дали Басову указъ о взысканіи съ обывателей за нанятые подводы денегъ. Басовъ, забирая жителей въ съѣздную избу, бралъ за каждую подводу по 7, 8 и 10 руб., а кто не отдавалъ денегъ, тѣхъ садилъ въ баню и душилъ дымомъ. Въ концѣ всего отъ неимущихъ были взяты векселя и по вексямъ были взысканы деньги послѣ.

Въ 1755 г. изъ Томской канцеляріи отъ воеводы Никудина и съ приписью Соколова послѣдовалъ въ Чаусскую судную избу указъ, чтобы она заставила обывателей Чаусскаго острога послать въ Кузнецкъ для доставки изъ тамошнихъ магазиновъ въ Бійскій острогъ казеннаго провіанта 300 подводъ. Не будучи въ состояніи набрать столько подводъ, жители обратились къ Никудину съ просьбой убавить число подводъ и къ просьбѣ приложили

взятку въ 150 руб. Просьба была уважена: приказано было отправить только 150 подводъ, на которыхъ провіантъ и былъ доставленъ въ Бійскъ. Но спустя нѣсколько времени отъ Микулина послѣдовалъ въ Чаускъ вторичный указъ, чтобы и остальные, сбавленные 150 подводъ были посланы въ Кузнецкъ. Жители вынуждены были на тѣхъ же лошадяхъ вторично ѣхать въ Кузнецкъ, а 150 руб. возвращены отъ Микулина не были.

Въ 1756 г. снова было приказано набрать и отправить въ Кузнецкъ для той же цѣли 300 обывательскихъ подводъ. На этотъ разъ было собрано все указанное число подводъ. На обратномъ пути изъ Бійска въ Барнаулъ всѣхъ извозчиковъ задержали и заставили рубить и возить лѣсъ для постройки казенныхъ амбаровъ. Но платы ни за подводы, ни за вырубку и вывозъ лѣса никакой выдано не было.

„Помимо этого“, пишутъ въ своемъ „извѣстїи“ крестьяне, Иванъ Носковъ съ товарищами, „мѣстное начальство насъ постоянно, зиму и лѣто, мучить на работахъ при Чаусскомъ острогѣ, около казенныхъ судовъ, не позволяя намъ куда либо отлучаться изъ домовъ на заработки и не давая времени обрабатывать свои поля. Весной и лѣтомъ мы починаемъ, конопатимъ и смолимъ суда и отливаемъ изъ нихъ воду, а зимой одалбливаемъ около нихъ ледъ, рубимъ въ лѣсу и возимъ къ судамъ лѣсъ, деремъ бересто и варимъ смолу. Платы же за все это никакой намъ не даютъ“.

Справедливость этой жалобы жителей Чаусскаго острога подтвердилась слѣдствїемъ, произведеннымъ по порученію Тобольской губернской канцеляріи тобольскимъ воеводою Бушневымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что не мало доставалось бѣднякамъ—поселянамъ, особенно придерживавшимся раскола, и отъ приходскаго духовенства. Независимо отъ преслѣдованія за расколъ, приходскіе причты правдой и неправдой иногда старались съ раскольника стянуть лишній рубль... Тѣ же Чауссцы почти наканунѣ своего самоубійства, изъ приготовленныхъ къ самосожженію избъ, заявляли слѣдователю и увѣщателю воеводѣ Бушневу, что священники Чаусскаго острога Ильинской церкви Іоаннъ Пономаревъ и Стефанъ Курбановскій, съ діаконъ и причетниками постоянно причиняютъ имъ обиды и раззоренія. За

вѣнчальныя памяти, напримѣръ, берутъ по шести и по десяти рублей за первый бракъ, забираютъ скоть и хлѣбъ и безъ того не вѣнчаютъ. Но и при этомъ многіе, пріѣхавшіе въ Чаусскъ проживаютъ въ ожиданіи вѣнчанія по нѣскольکو дней, иногда по недѣлѣ, и часто возвращаются не вѣнчанные и живутъ такъ. Крестьянинъ Иванъ Кубышевъ къ этому прибавилъ, что діаконъ Ильинской церкви Евѣимій Курбановскій и дьячекъ Михаилъ Дулебовъ разъ напали на него на дорогѣ, связали и стали неотступно требовать за какую то молитву денегъ. Пришлось отдать топоръ, съ тѣмъ, чтобы шли къ нему въ домъ, показали топоръ женѣ его и сказали, что онъ Кубашевъ велѣлъ отдать имъ 2 рубля.

Высшая духовная сибирская власть воздвигала на раскольниковъ гоненіе только по временамъ, когда являлись на тобольской каедрѣ митрополиты, особенно заботящіеся о благосостояніи сибирской православной церкви. Таковы были митрополиты Сильвестръ и Павелъ Конюскевичъ, ко временамъ которыхъ относится наше повѣствованіе. Но разсказъ о преслѣдованіи при этихъ митрополитахъ раскольниковъ мы откладываемъ до слѣдующей главы, а теперь, въ заключеніе настоящей главы только скажемъ о томъ: на сколько проповѣдь старцевъ—пропагандистовъ раскола, при вышеизложенныхъ условіяхъ жизни сибиряковъ—поселянъ, была успѣшна?

Можно быть вполне и глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что каждое слово старцевъ пропагандистовъ раскола для забитаго, измученнаго, доведеннаго условіями жизни до отчаяннаго положенія простаго народа было единственнымъ утѣшеніемъ и отрадою и ложилось глубоко на сердце cadaго. Старцы—пропагандисты имѣли всѣ преимущества народныхъ проповѣдниковъ: они вели строгую жизнь, именно такую, кака, по понятіямъ простаго народа, прямо ведетъ въ царствіе небесное,—постническую, большею частію пустынную, или скитальческую; не обирали народъ, а довольствовались милостынею; говорили простымъ народнымъ языкомъ и говорили не о пустякахъ, а всегда о предметахъ возвышенныхъ: о Богѣ, объ антихриствѣ, о загробной жизни; раздѣляли съ народомъ ихъ скорби и лишенія, сердечно жалѣли бѣдняковъ и желали имъ добра, указывая на единственный выходъ изъ

бѣды—терпѣніе ради Бога и, въ крайнемъ случаѣ, самоубійство. Ничего подобнаго простой народъ не видѣлъ отъ проповѣдниковъ православія: тамъ одна официальность, укеры и поборы и ни одного слова сочувствія, состраданія....

Благодаря всему этому, большая часть народа, даже не уклонившагося еще отъ православной церкви, была на сторонѣ непризванныхъ старцевъ проповѣдниковъ. Идеями этихъ проповѣдниковъ народъ былъ пропитанъ и жилъ. Народу былъ ненавистенъ самый міръ, во злѣ лежащій, зараженный антихрестовою прелестью; ненавистны были представители православія потому, что они, по понятію народному, служатъ антихристу, обижаютъ народъ и насильно тянутъ съ собою въ погибель. Въ подтвержденіе сего, мы думаемъ, достаточно будетъ представить исповѣдь 172 челов., сгорѣвшихъ въ 1756 году чаусцевъ; имъ нельзя не довѣрить потому, что изливали свою скорбь наканунѣ смерти, не разсчитывая на какія либо земныя выгоды.

Собравшись съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покончить свою жизнь самоубійствомъ, жители разныхъ деревень Чаусскаго острога въ числѣ около 200 человѣкъ, *) 17 іюня 1756 года подали вторичное письменное, за своимъ подписомъ „извѣстіе“ въ Чаусскую судную контору, въ которомъ, стараясь доказать мысль, что въ мірѣ уже царствуетъ антихристъ, высказываютъ на православную церковь съ ея іерархіей и обрядами, на гражданскую власть и православный народъ такой взглядъ:

Церковь православная, по убѣжденію чаусцевъ, превратилась въ „вертепъ разбойниковъ“, какъ говорилъ нѣкогда Спаситель о храмѣ Іерусалимскомъ (Матѣ. зач. 51). Подобно тому, какъ во времена Спасителя, въ храмѣ Божіемъ люди устраивали продажу голубей, такъ въ нынѣшней церкви продается благодать хиротоніи, крещенія, исповѣди. „У васъ поставляютъ“, пишутъ раскольники, „епископы, и священники и прочіе духовные чины злата ради, а не по избранію Святаго Духа, и за то по евангельскому гласу, прокляты, а отъ проклятыхъ—когда бываетъ благословеніе

*) Нѣсколько человѣкъ изъ собравшихся послѣ вышли, или были вытѣщены при пожарѣ.

и отъ діавола спасеніе? И отъ крещенія и отъ исповѣди (священника) даръ принимаютъ и такимъ образомъ чистоту продаютъ діаволу“ (статья извѣстія 1).

Притомъ, православная церковь, будто бы, проповѣдуетъ не истиннаго Христа Спасителя *Исуса*, а *Исуса*, а той *Исусъ* въ древнихъ временахъ эллинскій мудрецъ (быль); учитъ православная церковь поклоняться не истинному троедревнему (осмиконечному) кресту Христову съ изображеніемъ трости и копія и надписаніемъ: *Исъ Хриосъ, Ісъ Назарянинъ и Царь Іудейскій*, а латинскому кресту, которымъ всякое дѣло, вмѣсто святыни, совершаетъ (ст. 3) и который, будучи внесенъ на престолъ, означаетъ царя—антихриста (ст. 4); повелѣваетъ церковь знаменатися троеперстнымъ крестомъ, антихристовою печатью (ст. 10); въ крещеніи прибавила четвертый *аминь*: по благословеннымъ Потребникамъ крестили и при крещеніи говорили: „крещается рабъ Божій имя рекъ во имя Отца аминь, и Сына аминь и Святаго Духа и нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ аминь“, и то именуется Троица въ три погруженія, а нынѣ по крещеніи говорятъ: „крещается рабъ Божій во имя Отца аминь, и Сына аминь и Святаго Духа *аминь* (прибавленъ) и нынѣ и присно и вѣки вѣковъ аминь, и такимъ образомъ приложили къ Троицѣ четвертое лице—исхожденіе отъ Сына Святаго Духа, и сія именуется Аріева ересь, на которую отъ перваго и втораго вселенскихъ соборовъ проклятіе положено (ст. 12); при богослуженіи, наконецъ, аллилуія поютъ въ четыре, а не въ три Лица и такимъ образомъ проповѣдуетъ не Троицу, а четверицу и исхожденіе отъ Сына Святаго Духа (ст. 13).

Православные пастыри, по убѣжденію чаусскихъ старообрядцевъ, это—„врата адовы“, постоянно и всѣми силами старающіяся одолѣть церковь (раскольниковъ) Христову. Въ Благовѣстникѣ евангельскіе слова: „и врата адовы не одолѣютъ ей“ толкуются: повременихъ бывающіе гонители, иже прельщеніемъ во адъ отпускаху христіанъ, еретицы же суть врата, во адъ низводяща; многимъ бо гонителемъ и многимъ еретикомъ одолѣ церковь“... „А нынѣшніе епископы и весь чинъ духовный“, благочестивую церковь гонятъ и тѣ старые иконы и кресты, также и святыя книги сожигаютъ, и вѣру благочестивую проклиняютъ, а которые

христіане вѣрующіе въ тѣ святыя книги, и тѣхъ христіанъ неотмѣнно мучать и смерти предають (ст. 2); принуждаютъ христіанъ къ латинскому крыжу, къ троеперстному знаменію и къ церквамъ невольню, и грозю и мученіемъ (ст. 4); а пастырскія чести не хранятъ и ученія отъ нихъ никакого не бываетъ, а какое когда и бываетъ, и то учитъ къ погибели (ст. 5); прежде благочестивіи епископи и пресвитери учили люди и наставляли на спасенный путь не злата ради, токмо отъ Бога чести и богатства и царства небеснаго желали, какъ себѣ такъ и ученикамъ своимъ, а нынѣшніе у васъ епископы и пресвитеры и прочіе духовные чины,—ученія отъ нихъ ко спасенію никакого не бываетъ, развѣ токмо къ погибели, собирають злато, и коней, и волю, и стадъ и села похищаютъ, и вино и масло, и берутъ волну и копрониму—сирѣчь шерсть и куделю, а о иномъ нерадятъ прилежно; завсе у нихъ пиры и трапезы обильныя, и вина благовонныя, и рыбы красныя, паству же свою нерадиве зрятъ (обозрѣваютъ), и о тѣлѣ своемъ прилежатъ, а о душѣ не радятъ. Воистину пастыріе ваши волцы быша; бываетъ ли отъ волка благословеніе и святыня, и како можно овцамъ отъ волка сохраненнымъ быти безъ пакости, такъ же и отъ вашихъ пастырей безъ поврежденія“? (ст. 11).

На власть вообще, какъ духовную, такъ и гражданскую чаусскіе раскольники смотрятъ не иначе, какъ на гонителей, слугъ антихристовыхъ, бѣсовъ въ образѣ человѣческомъ. „А нынѣ, зрите вы и сами, что у васъ совершается, неправдою приторгнули (проникнуты) какъ духовныя власти, такъ и земскія, мздами ослѣпляемы; нынѣ у васъ весь народъ мздами отягчаютъ, наипаче же вѣрныхъ (раскольниковъ), которые послѣдуютъ благочестивой вѣрѣ (ст. 5); нынѣ, какъ духовныя, такъ и земскія власти не по избранію Святаго Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются отъ бѣсовъ, а не отъ Бога; того ради нынѣшнія власти во всемъ жестоки, гнѣвливы, наглы, моты, яры, нестройныя, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы (ст. 6); своими ересьми и прельщеніемъ они отставляютъ человѣковъ отъ пути праваго и сводятъ въ погибельный путь“ (ст. 7); „нынѣ во всѣ страны посылають указы и взакононенія съ посланники жестокими,—тѣ нарицаются бѣсы, чувственные человѣки и принуждаютъ

отверщися отъ православныя вѣры“ (ст. 9).

„Нынѣ“, говорятъ въ заключеніе чаусскіе раскольники, „гладъ по всей землѣ, запустѣніе церкви, умноженіе ересемъ и неслышаніе Слова Божія, понеже, что святыя старыя книги извели, сожгли и того ради стало запустѣніе и мерзость (ст. 8). Весь народъ отягощенъ мздами (ст. 5), приведенъ къ антихристу и перепечатанъ его печатью; тѣсноты ради пищныя вси къ нему (антихристу) приходятъ и кланяются, и онъ даетъ имъ знаменіе свое на руцѣ десной и на челѣ, еже есть крестъ троеперстный, нарицаемая щепоть, то нарицается антихристова печать, а которыя нынѣ отъ васъ (властей духовныхъ и гражданскихъ) знаменуются тою печатью, то погибнуть отъ Бога и отъ человѣкъ и таковымъ покаянія нѣсть, ежели не обратятся въ благочестивую вѣру; печати же его (антихриста), иже на челѣ и на деснѣй руцѣ есть число 666, то отпаденіе римское; тогда (сказано) вся выдутъ на вселенную чувствія антихристова сирѣчь дѣла все, а нынѣ у васъ вси дѣла антихристова дѣлаются“ (ст. 9).

Словомъ, „во многихъ святыхъ старыхъ книгахъ многія вины на нынѣшнія церкви показаны, и о семъ мы увѣдали отъ Господа, и отъ ученія святыхъ апостолъ, и отъ богоносныхъ отецъ и отъ божественныхъ книгъ (ст. 13). (Слѣдовало сказать: „отъ старцевъ пустынниковъ, невянскихъ нищихъ и другихъ подобныхъ имъ“).

Таковы были въ половинѣ прошлаго столѣтія убѣжденія и настроеніе сибирскихъ раскольниковъ. Вся масса раскольниковъ была похожа на легко-воспламеняющійся матеріалъ, къ которому нельзя было приблизиться, а тѣмъ болѣе дотронуться съ огнемъ въ рукахъ, въ видѣ принужденія къ православію. Между тѣмъ въ 50-хъ годахъ тобольскіе митрополиты Сильвестръ и Павелъ II обратили на раскольниковъ свое серьезное вниманіе, думали силою привлечь ихъ къ православію, и вызвали въ раскольникахъ такой пожаръ, какого исторія человѣческаго рода еще не заносила на свои страницы, исключая развѣ русской исторіи конца XVII столѣтія.

И. Сырцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ № 19 и 20.

1 и 16 Октября 1887 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ
XVII и XVIII столѣтіи. *)

IV.

Рядъ самоожженныхъ Сибирскихъ старообрядцевъ при Тобольскомъ митрополитѣ Сильвестрѣ (1749—1755 годахъ). **)

Въ 1750 году послѣдовало распоряженіе со стороны Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената о томъ, чтобы „записавшихся въ расколъ въ послѣднюю ревизію 1745 года, и послѣ, отсылать въ духовныя правленія, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, для изслѣдованія объ ихъ состояніи, безъ задержанія“. (Указы: Сената отъ 25 мая, Синода отъ 21 іюня 1750 года).

Независимо отъ сего Святѣйшій Синодъ, указами отъ 22 іюня и 2 августа, повелѣлъ митроп. Сильвестру: „о записавшихся вновь въ расколъ слѣдовать, и оныхъ исправлять и всеприлежнѣйшее тщаніе имѣть къ церковному таковыхъ соединенію, по долгу своему пастырскому, безъ наималѣйшаго продолженія, упущенія же и послабленія; со всѣми отысканными и имѣющими вновь

*) См. Тобольскія епарх. вѣдом. сего года №№ 17—18.

**) Извѣдья Тобол. Дух. Конс. по архив. описи №№ 81 (1750 года), 185 (1751), 80 (1761), 42 (1763), 78 (1757).

отыскаться, незаписанными въ двойной подушный окладъ, поступать по правиламъ Св. Отецъ и по Регламенту непремѣнно“.

Митрополитъ Сильвестръ въ свою очередь разослалъ свои указы ко всѣмъ закащикамъ (благочиннымъ) о томъ, чтобы они всѣми мѣрами старались склонять записанныхъ и потаенныхъ раскольниковъ къ обращенію въ лоно православной церкви, которые согласятся, тѣхъ повелѣвалось немедленно приводить къ присягѣ по печатному чиноположенію, съ поруками, а которые не согласятся обратиться въ православіе, тѣхъ отсылать въ Тобольскъ, подь карауломъ“.

Между тѣмъ въ Тобольской консисторіи были составлены и разосланы къ тѣмъ же закащикамъ особыя „правила для приведенія раскольниковъ въ православіе“. Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

1) У обращающагося изъ раскола берется письменная сказка о томъ, что онъ желаетъ соединиться съ церковію.

2) По взятіи сказки, раскольникъ присоединяется къ церкви по печатному чиноположенію, съ произнесеніемъ проклятія раскольническихъ заблужденій, и приводится къ присягѣ въ томъ, что болѣе не оставитъ православія.

3) По присоединеніи, бывшій раскольникъ обязывается подпискою въ томъ, что онъ отселѣ будетъ въ православіи постояненъ, т. е. станетъ ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться Святыхъ таинъ, не будетъ имѣть никакого согласія и общенія съ раскольниками, подь опасеніемъ жестокаго наказанія и ссылки.

4) Послѣ уже всего этого бывшій раскольникъ допускается къ исповѣди и святому причащенію публично, получаетъ должное наставленіе и отпускается въ свой домъ, а закащикъ сообщаетъ куда слѣдуетъ объ исключеніи его изъ двойнаго подушнаго оклада.

5) Совратившійся въ расколъ вторично судится, какъ клятвенно-преступникъ, на основаніи указа Петра Великаго отъ 5 мая 1722 года, въ коемъ, между прочимъ, говорится: „которые раскольники по обращеніи къ церкви и по учиненіи присяги паки будутъ въ расколъ обращаться, таковыхъ отсылать къ гражданскому суду, прописавъ обязательство его и сказку, какъ онъ изъ раскола къ

церкви приходилъ; архіерею же мѣста того настоять, и буде судья гражданскій понаровитъ онымъ, писать въ Святѣйшій Синодъ, а если противникъ паки обратится, то, по наказаніи граждански, паки принять къ церкви“.

Распорядившись такимъ образомъ по своему вѣдомству, митрополитъ Сильвестръ не замедилъ обратиться съ своими промеморіями въ Сибирскую и Оренбургскую губернскія канцеляріи о томъ, чтобы онѣ предписали мѣстнымъ властямъ оказывать духовнымъ закащикамъ въ отысканіи, забирааніи и приведеніи къ церкви раскольниковъ всякое содѣйствіе. Губернскія канцеляріи, имѣя въ виду многія объ этомъ Высочайшіе и Сенатскіе указы, особенно же указъ Сената отъ 25-го мая 1750 года, предписали провинціальнымъ канцеляріямъ, а послѣднія—отдали приказы въ дистрикты.

Такимъ образомъ началось противъ раскольниковъ „гоненіе“.

Провинціальныя власти, закащики и воеводы на первыхъ порахъ приступили къ дѣлу со всею усердіемъ. Они забирали въ духовныя правленія всѣхъ раскольниковъ записныхъ и „потаенныхъ“, съ женами и дѣтьми, ковали въ кандалы, садили въ тюрьму и не выпускали до тѣхъ поръ, пока не добивались отъ нихъ обращенія въ православіе; въ противномъ случаѣ виновныхъ массами отсылали въ Тобольскъ въ консисторію, хотя Тобольскъ отстоялъ за нѣсколько сотъ верстъ. Раскольникамъ приходилось оставаться при духовныхъ правленіяхъ недѣли, мѣсяцы, даже годы—терпя холодъ, голодъ и подчасъ истязанія. Но высылка въ Тобольскъ была для нихъ еще большимъ испытаніемъ: нужно было отправляться за цѣлыя сотни, иногда тысячи верстъ на свои средства, пѣшкомъ, подъ карауломъ, въ оковахъ; въ самомъ Тобольскѣ ихъ ожидали увѣщанія и допросы съ „пристрастіемъ“ и непосильныя, безконечныя работы въ архіерейскихъ владѣніяхъ... Поэтому большая часть забираемыхъ раскольниковъ приносили раскаяніе, присоединялись къ церкви и распускались по домамъ, но затѣмъ горѣли. Другіе при первой посылкѣ за ними, оставляли свои дома, бѣжали въ лѣсъ и тамъ ждали случая спорѣть съ другими. Приводимъ рядъ болѣе крупныхъ самосожженій и другихъ видовъ самоубійствъ.

По требованію челябинскаго закащика протоіерея Петра Флоринскаго и по распоряженію исетской провинціальной канцеляріи, въ іюнѣ 1750 года были собраны въ Челябину все записные и потаенные раскольники съ женами и дѣтьми изъ дистриктовъ шадринскаго и окуневскаго и все, по довольномъ увѣщаніи, обратились къ правовѣрію. Но изъ нихъ 12 человекъ, собравшись на заимкѣ при мукомольной мельницѣ въ помольную избу, въ 4-хъ верстахъ отъ Челябины, 25 іюля сгорѣли. Въ августѣ 1751 г. исетскаго острога Богородицкой церкви священники Аѳанасій Райковъ и Гавріилъ Лыткинъ доносили митрополиту Сильвестру, что изъ жителей Исетскаго острога, придерживавшихся раскола, 29 человекъ, мужчинъ и женщинъ, когда къ нимъ прибылъ съ словомъ убѣжденія священникъ Аѳанасій Райковъ, обратились изъ раскола въ православіе, но остальные 23 человека не принимаютъ никакихъ увѣщаній и поэтому были отправлены въ Челябину для увѣщаній чрезъ закащика въ духовномъ правленіи. Однако и закащикъ ничего съ ними не могъ сдѣлать и по настоянію исетской провинціальной канцеляріи должны были распустить ихъ по домамъ. Когда послѣдніе возвратились домой, устоявъ въ расколѣ, то и обратившіеся къ православію 29 человекъ снова сдѣлались раскольниками и затѣмъ вскорѣ сгорѣли въ числѣ 61 человекъ. Въ половинѣ октября 1750 г. управитель окуневскаго дистрикта Иванъ Рукъвъ и намѣстникъ далматовскаго монастыря іеромонахъ Митрофанъ были ради повѣрки и увѣщанія раскольниковъ въ Буткинской слободѣ. Имъ пришлось привести къ православію до 30 человекъ, но еще больше оставалось упорныхъ. Изъ числа послѣднихъ, крестьянинъ деревни Смолиной Елеазаръ Телмиковъ, какъ скоро оставили слободу увѣщатели, явился къ своему родному дядѣ Кирилу Телмикову, повидимому, человеку вліятельному между сосѣдами, и сталъ говорить ему, чтобы немедленно собиралъ народъ и угоривалъ бы ихъ горѣть, грозя, въ противномъ случаѣ донести на него начальству, какъ на распространителя раскола. Дядя убоился доноса и началъ сзывать народъ въ одну избу, стоящую отдѣльно на задахъ деревни Смолиной, въ саженьяхъ 30-ти отъ жилищъ, въ коей жили вдовы постницы. На призывъ Кирила Телмикова собралось до 64 человекъ, въ томъ числѣ и только что

оставившіе расколь 30 челов. и на глазахъ прочихъ сосѣдей 20 октября въ полдень всѣ сгорѣли.

Въ половинѣ іюня 1750 г. тюменская воеводская канцелярія получила изъ Тобольской губернской канцелярії указъ, коимъ предписывалось объявить записнымъ раскольникамъ, что они чрезъ обращеніе въ православіе могутъ избавиться отъ двойнаго подушнаго оклада. Воеводская канцелярія приступила къ собиранію раскольниковъ въ Тюмень, чрезъ особыхъ разсыльныхъ. Одинъ изъ разсыльныхъ Никифоръ Паутовъ явился въ деревню Зайкову въ домъ раскольника Ивана Зайкова, котораго дома не прилучилось, и сказалъ женѣ его, что мужа ея требуютъ въ воеводскую канцелярію, не объяснивъ причины. Вскорѣ по уходѣ Паутова возвращается домой и хозяинъ. Когда жена его сказала ему, что приходилъ за нимъ изъ Тюмени разсыльный,—требуютъ неизвестно за чѣмъ въ воеводскую канцелярію, онъ задумался и сказалъ: „пришелъ должно быть конецъ житію“. Напуганный уже преслѣдованіемъ раскольниковъ, Иванъ Зайковъ прямо заключилъ, что его требуютъ къ отвѣту за „правую“ вѣру, и порѣшилъ лучше покончить съ жизнію самоубійствомъ, чѣмъ томиться въ тюрьмѣ. Посовѣтовавшись затѣмъ съ женою и дѣтьми, онъ снова удалился изъ дома на свою пашню за 6 верстъ отъ деревни, гдѣ у него стояла небольшая избушка. Оставаясь здѣсь въ теченіи двухъ недѣль, онъ приспособилъ избу къ самосожженію своему съ семействомъ и пришелъ за семьей. 31 іюля все семейство Ивана Зайкова, состоящее изъ жены и дѣтей, всего изъ 13 чел., незамѣтно для сосѣдей, отправилось въ приготовленную къ самосожженію избу и въ ночь на 1 августа сгорѣло.

Въ началѣ октября 1750 г. записные раскольники разныхъ селеній Тюменскаго уѣзда, подъ предводительствомъ крестьянина деревни Медвѣдовой Петра Сидорова, только наслышавшись о преслѣдованіи раскольниковъ, бросили свои дома и хозяйство и отправились въ непроходимыя мѣста за болота, въ боръ. Здѣсь общими силами выстроили огромнѣйшій срубъ изъ самыхъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ (20 челов. ворочали одно бревно). Въ срубъ была поставлена особая изба изъ сухаго и ветхаго лѣса. Изба была обложена хворостомъ и берестю и по разнымъ мѣстамъ

былъ положенъ порохъ. Наконецъ на 6 октября всѣ собравшіеся въ числѣ 61 чел. мужчинъ, женщинъ и дѣтей, добровольно сгорѣли, не дождавшись прибытія „мучителей“, какъ поступали другіе самосожигатели.

Въ ночь на 10 декабря 1750 г. скрылись изъ домовъ, оставивъ свои пожитки и скота, шесть семействъ жителей слободы Городищъ. Бѣглецы собрались въ домъ крестьянина дер. Бурмистой Анисима Васильева и стали готовиться къ самосожжению. Вкругомъ дома были поставлены денной и ночной карауль, чтобы кто либо внезапно не напалъ и не разогналъ рѣшившихся покончить съ жизнью. Прежде всѣхъ узналъ про это деревенскій десятникъ Дмитрій Бурмистовъ, который и явился къ дому Васильева съ понятными. Въ самый домъ его не пустили. Только изъ окна раскольникъ Осипъ Бурмистовъ объявилъ, что, какъ скоро станутъ ихъ насильно брать, они сгорятъ, потому что ихъ сгоняютъ къ трехперстному кресту (антихристовой печати). Между тѣмъ явилась для разогнанія собравшихся команда солдатъ. Какъ только показались солдаты, раскольники подпалили домъ и 19 декабря всѣ сгорѣли.

15 мая 1751 года исетская провинціальная канцелярія предписала окуневской управительской канцелярії выслать въ Исетъ для отправки въ Челябинскъ въ духовное правленіе на увѣщаніе всѣхъ раскольниковъ обоаго пола, начиная съ 20-ти лѣтняго возраста. Окуневская канцелярія въ свою очередь дала объ этомъ приказъ особо учрежденнымъ по деревнямъ раскольническимъ (изъ православныхъ) надзирателямъ. Но надзиратели въ отвѣтъ на требованіе донесли слѣдующее: „какъ только было объявлено раскольникамъ, чтобы они собирались въ Исетъ, изъ нихъ крестьянинъ дер. Журавлевой Иванъ Бѣлыхъ и крестьянка Барвара Япанцицева съ двумя малолѣтними дочерьми скрылись изъ домовъ и въ ночь на 25 апрѣля на пашнѣ, въ избѣ, „не вѣдомо отъ чего сгорѣли“; изъ остальныхъ раскольниковъ 29 чел. женщинъ и дѣтей разбѣжалось неизвѣстно куда.

Ночью на 8 февраля 1751 года сожглись 68 чел. жителей Куртамышскаго прихода воскресенскаго заказа. Въ числѣ сгорѣвшихъ, было записныхъ раскольниковъ только 8 человекъ; всѣ

остальные, по отзыву воскресенскаго закащика священника Василья Протасова и приходскаго священника Василья Лыткина, были „подлинно не раскольники, и потаеннаго расколу не имѣли и всякія требы отъ приходскаго священника принимали“. Отъ чего же сгорѣли? „Не вѣдомо отъ чего“, отвѣчали оо. Протасовъ и Лыткинъ, а мы скажемъ: должно быть не сладко жилось на свѣтѣ, при тѣхъ условіяхъ, которыя нами описаны въ III статьѣ,

Въ началѣ 1751 года митрополитъ Сильвестръ предложилъ исетской провинціальной канцеляріи воспретить раскольникамъ переселяться изъ деревень на новыя мѣста, а переселившихся возвратитъ на прежніе мѣста жительства. По повѣркѣ оказалось, что многіе раскольники отдѣлились отъ православныхъ сосѣдей и устроились особо въ лѣсахъ. Началось возвращеніе. Вслѣдствіе этого раскольники Новозаводской Куртамышской слободы въ числѣ 9 челов. записныхъ и 63 потаенныхъ собрались въ дер. Коновалову въ домъ крестьянина Данила Облазова и въ первыхъ чинахъ всѣ сгорѣли, „не вѣдомо съ какого умыслу“, говоритъ канцелярія. Изъ всей массы горѣвшихъ удалось прибывшей на пожаръ командѣ солдатъ вырвать только одного человѣка, крест. Луку Шимолина. Онъ былъ вытасченъ уже до того обгорѣлый, что чрезъ три дня померъ, однако обратился къ церкви послѣ долгаго упорства, за нѣсколько часовъ. Въ предсмертной исповѣди несчастный повѣдалъ, что онъ самъ и всѣ сгорѣвшіе его товарищи были гворены къ самоубійству крестьяниномъ Буткинскомъ слободы Пантелеемъ Ивановымъ Путинцевымъ и сестрой его Маремьяной Ивановой, что они напутствовали предъ смертію всѣхъ исповѣдью и причащеніемъ—Пантелей мушинъ, а Маремьяна—женщинъ и сами сгорѣли.

Въ мартѣ 1751 г. настоятель Тюменскаго Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ доноситъ митроп. Сильвестру, что „невѣдомо какимъ злымъ умысломъ“ въ разныхъ избахъ сгорѣло до 70 мушинъ, женщинъ и дѣтей изъ деревень тюменскаго заказа: Гусевой, Гилевой и Кулижной. Всѣ сгорѣвшіе были потаенными раскольниками. Спаслось только нѣсколько человѣкъ дѣтей, которые, по объясненію деревенскихъ надзирателей Ивана Обносова и Ѳедора Вершинина выскочили, когда сбѣжавшимся народомъ было выбито въ пылающемъ домѣ одно окно. Выскочили разночинца

Никифора Сургутова сыновья Иванъ и Никита, ямщика Ивана Панкратова сыновья Иванъ и Алексѣй и замужня дочь раскольника Андрея Шамаева Пелагея Мутовкина. Отецъ послѣдней Андрей Шамаевъ показался затѣмъ самъ въ окнѣ, крикнулъ народу: „не мѣшайте намъ горѣть и захлопнулъ окно“. По числу труповъ, сгорѣло до 74 человекъ.

Въ апрѣлѣ 1751 г. по порученію митрополита Сильвестра, Тобольская консисторія и челябинскій закахикъ протоіерей Петръ Флоринскій потребовали отъ исетской провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ раскольники не исключая женщинъ и дѣтей были собраны въ Исеть для повѣрки и увѣщанія. По распоряженію канцеляріи, дѣйствительно, собрано было изъ разныхъ дистриктовъ множество раскольниковъ. Почти всѣ собранные, по убѣжденію о. Флоринскаго, обратились въ православіе, были приведены къ присягѣ, дали подписки въ томъ, что останутся навсегда вѣрны церкви и были распущены по домамъ. Но не прошло послѣ этого и недѣли, какъ въ канцелярію изъ дистриктовъ поступило нѣсколько донесеній о томъ, что до 64 чел. изъ обратившихся въ православіе „по злему своему упрямству“, не желая разстаться съ расколомъ, на пашнѣ, въ особой избѣ сгорѣли; нѣкоторые изъ жителей Буткинской слободы засѣли въ особо выстроенныхъ домахъ и готовятся къ самосожженію, а другіе разбѣжались изъ домовъ неизвѣстно куда.

Троицкаго Рафайловскаго монастыря игуменъ Александръ, 15 апрѣля 1751 года, донесъ митроп. Сильвестру, что ночью на 12 апрѣля въ дер. Береговой сгорѣло 33 чел. записныхъ раскольниковъ и что съ этою же цѣлью собралось въ дер. Дворцовой въ одинъ домъ множество другихъ раскольниковъ, для увѣщанія которыхъ отправились изъ исетской канцеляріи титулярный совѣтникъ Мировичъ и священникъ Аѳанасій Райковъ.

Барнаульскаго завода закахикъ протоіерей Василій Ивановъ 22 февраля 1753 года „не терпя богомерскихъ и противныхъ раскольническихъ дѣяній и ревнуя истиннѣй святѣй и апостольской церкви“ (собственныя его слова въ рапортѣ), доносилъ митроп. Сильвестру, что онъ во время разъѣздовъ по своему заказу, для сбора данныхъ и другихъ денегъ, достовѣрно узналъ, что на

Чумышѣ рѣкѣ въ дер. Шипициной потаенные раскольники собрались въ особо устроенный дворъ, называемый ими „пустынею“ и намѣреваются сгорѣть; не горятъ же пока по всей вѣроятности, потому, что нѣкоторые еще не утвердились въ рѣшимости; за то другіе имѣютъ рѣшительное желаніе и намѣреніе, а попасть къ нимъ во дворъ и разогнать ихъ не кѣмъ и нѣтъ никакой возможности, потому что дворъ укрѣпленъ.

Нѣкоторые изъ раскольниковъ предавались самоубійству и другимъ способомъ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1752 г. огуневскаго острога, дер. Каралей жена обратившагося изъ раскола въ православіе крестьянина Степана Кудрявцева, напуганная дьячкомъ села Киплянскаго Саввой Ивановымъ и пономаремъ Андреемъ Гавриловымъ, которые сказали ей, что ее за расколъ заберутъ въ острогъ, нарочно выдолбила на озерѣ большую прорубь и спустилась подъ ледъ, съ дѣтьми въ числѣ 7 человекъ.

Въ апрѣлѣ 1751 года прибылъ изъ Мянска въ Челябину съ казенными податями сборщикъ раскольникъ Челпановъ. Въ это время какъ разъ закащикъ протоіерей Флоринскій занимался приведеніемъ къ православію во множествѣ согнанныхъ къ нему раскольниковъ. Видя насиліе совѣсти и опасаясь самъ подвергнуться тому же, не долго думая, „по своему пагубному суевѣрію, самъ себя зарѣзалъ до смерти“.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ раскольническихъ самоубійствъ, конечно, главную роль играли темные старцы и старицы — пропагандисты, которые теперь изъ простыхъ проповѣдниковъ превратились въ истинныхъ жрецовъ и которые большею частію сами горѣли съ своими жертвами. Такъ погибли крестьянинъ Пантелей Путинцевъ и сестра его Маремьяна Иванова, устроившіе самосожженіе въ февралѣ 1751 г. въ дер. Коноваловой. Въ числѣ 14 обгорѣвшихъ труповъ раскольниковъ, сгорѣвшихъ на 1 августа 1750 года на пашнѣ крестьянина Зайкова, былъ найденъ одинъ неизвѣстный, одѣтый въ кафтанъ краснаго добраго сукна, съ четками на рукахъ и на шеѣ. Въ числѣ сгорѣвшихъ 22 марта 1751 г. въ домѣ крест. Андрея Шамаева, были, по словамъ вытащеннаго изъ пламени Ивана Сургутова, три старухи, пришедшіе откуда то изъ далека, которые наставляли собравшихся горѣть и т. п.

Нѣкоторые изъ старцевъ—поджигателей на столько замѣчательны по своей пагубной дѣятельности, что мы рѣшаемся привести здѣсь двѣ-три краткія біографіи ихъ.

Самосожженіе 64 челов., въ октябрѣ 1750 года, въ деревнѣ Соболиной, Буткинской слободы, было устроено раскольниковъ Абрамомъ Михайловымъ. По словамъ выхваченнаго солдатами изъ пламени крест. Василья Лебедева, Абрамъ Михайловъ былъ уже старикъ, лѣтъ 70; по генеральной переписи 1745 года онъ изъ потаенныхъ и неплатежныхъ раскольниковъ былъ приписанъ къ Невьянской богадѣльнѣ подъ именемъ „нищенствующаго“. Лебедевъ былъ порукою за него въ томъ, что онъ будетъ жить постоянно въ богадѣльнѣ; но Михайловъ вскорѣ скрылся неизвѣстно куда. Посланные отъ Лебедева для розысканія Михайлова не разъ видѣли его въ Буткинской слободѣ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ 1750 года, но поймать не могли. Въ это время онъ исправлялъ для буткинскихъ раскольниковъ священныя требы и въ то же время уговаривалъ всѣхъ принять второе крещеніе отъ огня. Раскольники съ благоговѣніемъ слушали его и 20 октября исполнили его желаніе, т. е. сгорѣли. Самъ Михайловъ однако не счелъ нужнымъ креститься огнемъ и отправился по разнымъ селеніямъ искать новыхъ жертвъ, разъѣзжая на тройкѣ. Въ одномъ селеніи нанятые Лебедевымъ сыщики снова встрѣтили Михайлова и стали звать въ Невьянскую богадѣльню; но онъ на это сказалъ, что теперь пока не поѣдетъ съ ними, а когда время придетъ, явится самъ безъ всякаго сыску; при этомъ одному изъ сыщиковъ посоветовалъ, чтобы убирался поскорѣе, а то и ногъ съ собой не унесетъ.

Въ мартѣ 1751 г. крестьянинъ Тюменскаго вѣдомства, села Покровскаго Данилъ Санниковъ собралъ въ дер. Гусеву, приготовилъ и благословилъ горѣть до 70 чел. раскольниковъ, которые и сгорѣли 22 марта, но самъ Санниковъ куда то скрылся. Спрошенный послѣ этого „съ пристрастіемъ, подъ битіемъ батогами“ братъ Данила Иванъ Санниковъ отозвался, что Данилъ отлучился изъ дома 20 марта съ сыномъ своимъ Семеномъ, на лошади, и гдѣ теперь находится, неизвѣстно. О розысканіи Данила и Симеона Санниковыхъ была затѣмъ сдѣлана публикація по всей Сибирской губерніи, но и это не помогло. 2 іюля солдаты сибирскаго бата-

ліона Максимъ и Ѳеодоръ Шуваловы, разъѣзжавшіе по разнымъ мѣстамъ для розыска бродягъ, донесли тобольской консисторіи, что они въ дер. Насѣкиной слышали о томъ, что розыскиваемые черезъ публикацію раскольники Даниль и Симеонъ Санниковы живутъ въ пустынѣ при Кошутскомъ озерѣ и оттуда часто выѣзжаютъ для свиданія съ родственниками и для проповѣди раскольнической. По требованію митрополита Сильвестра, тобольская губернская канцелярія послала къ Кошутскому озеру для взятія Санниковыхъ нарочныхъ сыщиковъ; но сыщики нашли только 90-лѣтняго старца Минея Санникова, который жилъ здѣсь больше 30 лѣтъ, и теперь былъ представленъ въ Tobольскъ, какъ пропагандистъ раскола.

По словамъ раскольника Ивана Сургутова, бывшаго въ дер. Гусевой въ числѣ собравшихся по приглашенію Данила Санникова горѣть, и выхваченнаго солдатами изъ пламени, самъ Даниль прибылъ въ собраніе въ ночь наканунѣ погибели. Первымъ долгомъ по прибытіи, онъ приказалъ всемъ мушцинамъ удалиться въ особую избу и, оставшись съ женщинами, сталъ каждую изъ нихъ исповѣдывать, какъ священникъ. Когда были все женщины исповѣданы, имъ было приказано удалиться въ горницу и явились на исповѣдь мушцины. Мушцинь Санниковъ исповѣдалъ всехъ заразъ. Затѣмъ снова соединились мушцины и женщины въ одной избѣ; Санниковъ наставнически сказалъ, чтобы сейчасъ запирались хорошенько и горѣли, а самъ удалился изъ собранія неизвѣстно куда. Вслѣдъ наставника все поклонились до земли и черезъ нѣсколько часовъ исполнили его заповѣдь.

Въ ноябрѣ 1751 года челябинскому закащику протоіерею Флоровскому стало извѣстно, что въ дер. Калиновкѣ проявился „злой учитель и наставникъ раскольниковъ“ крестьянинъ Іона Булатовъ, который грамотѣ обученъ и содержитъ при себѣ пришлыхъ дѣвокъ и съ ними беззаконствуетъ. По требованію о. Флоровскаго, исетская провинціальная канцелярія немедленно командировала въ дер. Калиновку для арестованія Булатова шадринскаго управителя Верховцева, снабдивъ его инструкціею такого рода: „Ѣхать тебѣ дворянину Верховцеву въ дер. Калиновку секретно, такъ чтобы никто изъ сопровождавшихъ тебя подъячихъ и солдатъ

не зналъ, куда ты ѣдешь и не подалъ бы оному Булатову вѣдомости прежде твоего прибытія. Изъ Шадринска ты долженъ выѣхать ночью, а прибыть въ дер. Калиновку на разсвѣтъ. По прибытіи прежде всего долженъ окружить домъ Булатова карауломъ и затѣмъ пристойнымъ образомъ, какъ можно, его Булатова изловить и взять подъ крѣпкій караулъ. Затѣмъ взять всѣхъ пришлыхъ дѣвокъ и всѣхъ раскольниковъ, какіе окажутся въ домѣ Булатова; обыскать всѣ углы и тайники, все переписать и перепечатать“ и т. д. Верховцевъ поступилъ по данной инструкціи во всей точности. Но въ домѣ Булатова, кромѣ двухъ старыхъ дѣвокъ Лукерьи Артемьевой и Агаѣи Григорьевой, никого не оказалось. По отзыву жителей дер. Калиновки, Булатовъ давно уже оставилъ свой домъ, удалившись въ Томскъ. Пришлось удовольствоваться старыми дѣвками, которыхъ и начали таскать по различнымъ мытарствамъ: изъ Калиновки въ Исетъ, изъ Исети въ Челябину, изъ Челябины въ Тобольскъ.

Впрочемъ, мелкіе, семейные самосожженія нерѣдко совершались безъ помощи подобныхъ жрецовъ, самими домохозяевами, главами семействъ. Такъ, на 22 марта 1751 года, въ дер. Гусевой сгорѣла въ своемъ домѣ драгунша Парасковья Неустроева съ сыномъ Ефимомъ и двумя дочерьми Парасковьей и Ксеньей. 28-го іюня 1751 года, исетскаго вѣдомства, дер. Обаниной сгорѣлъ на своей заимкѣ, въ избѣ, крестьянинъ Аника Жерновниковъ съ 4-мя малолѣтними дѣтьми и т. д.

Вѣра старообрядцевъ въ спасительность самоубійствъ, вызванныхъ гоненіемъ, была такъ сильна, что они, разъ рѣшившись покончить съ собою, положительно никогда не отмѣняли своего рѣшенія, и принимали самыя строгія предосторожности къ тому, чтобы кто либо не помѣшалъ исполненію ихъ намѣренія. Возникшее въ средѣ тѣхъ или другихъ раскольниковъ намѣреніе „сподобиться мученическаго вѣнца“ хранилось обыкновенно въ такомъ секретѣ отъ православныхъ сосѣдей и особенно отъ властей, что послѣдніе всегда узнавали объ этомъ ужъ тогда, когда раскольники совсѣмъ приготовятся къ самоубійству. Большая часть самоубійствъ, особенно когда раскольники не видѣли нужды торопиться, устраивались въ лѣсу, вдали отъ селеній, за болотами, куда можно про-

браться съ большимъ трудомъ. Въ избранномъ мѣстѣ устраивались новые хоромы, которые укрѣплялись на подобіе крѣпостей, обкладывались кругомъ хворостомъ, берестомъ, иногда порохомъ, такъ что хоромы загорались отъ первой брошенной искры, моментально. Въ видахъ предохраненія отъ внезапнаго нападенія со стороны властей, всегда становился кругомъ хоромъ, на дорогахъ и перекресткахъ надежный, иногда вооруженный караулъ. Вотъ примѣръ: когда раскольники Чаусскаго острога разныхъ селеній, сгорѣвшіе въ 1756 году въ числѣ 172 чел., рѣшились „неотмѣнно“ горѣть, то предварительно выбрано было ими мѣсто за дер. Мальцевой, между непроходимыми болотистыми топями и озерами. Здѣсь еще раньше услужливыми коноводами было выстроено до пяти сараевъ и амбаровъ. Съ прибытіемъ въ одну ночь толпы изъ 200 чел., обреченныхъ на смерть жертвъ, присоединены къ прежнимъ сараямъ еще четыре избы, перенесенныя изъ дер. Мальцевой. Изъ двухъ избъ, поставленныхъ рядомъ, было устроено нѣчто въ родѣ храма, куда готовящіеся къ смерти должны были собираться на общую молитву. Въ подполья избъ было навалено множество основыхъ смолистыхъ стружекъ и соломы. А чтобы разъ рѣшившіеся умереть не вздумали оставить своего намѣренія и ускользнуть изъ собранія, или, чтобы не могли быть выхвачены имѣющими прибыть солдатами внезапно и насильно, дома, сараи и амбары были окружены заплотомъ и стоячимъ тыномъ сажени въ три вышиною; въ окна были вставлены желѣзныя рѣшетки и ворота въ острогъ были постоянно заперты. Помимо всего этого, на крышахъ постоянно день и ночь стояли съ заряженными ружьями четыре человекъ караульныхъ, на обязанности которыхъ лежало: наблюдать за приближеніемъ „непріятели“, не допускать его близко, по крайней мѣрѣ—прежде, чѣмъ дано будетъ знать собранію. Въ собраніе никто не допускался, кромѣ тѣхъ, кто заявлялъ неотмѣнное желаніе умереть вмѣстѣ съ другими. „Приходили иногда“, говоритъ раскольникъ Иванъ Кубышевъ, „родственники нѣкоторыхъ сидѣвшихъ въ избахъ, чтобы образумить близкихъ своему сердцу, но ихъ и близко не подпускали“. Но за то пожелавшихъ раздѣлить участь собравшихся въ избахъ принимали съ распростертыми объятіями. И въ такихъ пришельцахъ недостатка не

было: они являлись почти каждый день. Разъ даже явились два казака, изъ числа прибывшихъ изъ Чаусска для раззоренія раскольническаго убѣжища, Гаврилъ Кандышевъ и Семень Ждановъ. Оставивъ свои посты, они прибыли въ собраніе съ тѣмъ, чтобы предупредить раскольниковъ, что власть намѣревается помѣшать имъ горѣть, и остались здѣсь.

Подобнаго рода предосторожности принимали почти всѣ раскольники, горѣвшіе. Только тѣ не бѣжали въ лѣсъ, не укрѣплялись по заведенному порядку и горѣли въ своихъ домахъ, или гдѣ попало, которые не находили времени и средствъ къ должному приготовленію, слишкомъ спѣшили доставить себѣ мученическіе вѣнцы.

Съ какою готовностью раскольники спѣшили по призыву старцевъ—коноводовъ пріобрѣсти мученическіе вѣнцы—это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа раскольника Ивана Кубышева: въ началѣ мая 1756 года крестьяне Иванъ Носковъ, Степанъ Мальцевъ и братъ послѣдняго казакъ Ѳедоръ Мальцевъ стали говорить народу, разѣзжая по деревнямъ, что „за многими нынѣ народными тягостями никакой человѣкъ въ мірѣ спасти себя ни какъ не можетъ, а когда де сожгутся то де спасеніе получить могутъ“. Однажды Иванъ Носковъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ и сталъ уговаривать, чтобы я согласился горѣть, присовокупивъ, что многіе уже этого желаютъ и готовы собраться во всякое время. Послѣ недолгаго колебанія я согласился, хотя и не былъ настоящимъ раскольниковъ. Вскорѣ узналъ, что кромѣ меня дѣйствительно уже многіе дали такое же согласіе. Когда было такимъ образомъ подготовлено къ самосожженію нѣсколько человѣкъ, Иванъ Носковъ и Степанъ Мальцевъ отправились въ Барбинскую степь за старцами, которые должны были благословить самоубійство. Бѣдили они дней десять и привезли съ собой двоихъ расколуучителей Семена Шадрина (онъ же святой отецъ Яковъ Степановичъ) и Ѳедора Нѣмчинова. Съ прибытіемъ этихъ старцевъ въ нашу деревню, я, пользуясь отсутствіемъ изъ дома моего православнаго отца, склонилъ къ самосожженію мать, жену и прочихъ членовъ семейства, и въ числѣ 7 челов. отправились въ домъ Ивана Мальцева. Но раньше насъ по приглашенію

Мальцева въ одну ночь прибыло къ нему уже до 200 челов. мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Вскорѣ затѣмъ, подъ предводительствомъ степныхъ старцевъ, всё отправились въ лѣсъ за бодота.

Но нельзя сказать, чтобы между раскольниками не было и колеблющихся, нерѣшительныхъ. Нѣкоторые не поддавались ни на какія уговоры старцевъ—проповѣдниковъ, а другіе, увлеченные общимъ потокомъ, иногда раскаивались и были послѣ не прочь вырваться изъ когтей суровыхъ и жестокихъ жрецовъ. Противъ такихъ личностей старцы—коноводы, а иногда и родители, не пренебрегали и насиліемъ. Раскольникъ Иванъ Сургутовъ рассказывалъ про себя на слѣдствіи слѣдующее. Въ ночь на 22 марта отецъ мой Никифоръ Сургутовъ и мать Анна Иванова стали уговаривать меня, братьевъ Максима и Никиту и сестеръ: Устинью, Ирину, Парасковью и Василису, чтобы шли съ ними въ домъ Андрея Шамаева. Мы уже знали, что Андрей Шамаевъ, нашъ дядя, подговаривалъ нашихъ родителей и другихъ къ самоожженію и возразили отцу, что мы горѣть не желаемъ, такъ какъ мы еще люди молодые и желаемъ жить на свѣтѣ. Отецъ съ матерью наложили на насъ проклятіе и не хотѣли дать послѣдняго благословенія; пришлось идти съ ними. Однако и въ домѣ Шамаева, гдѣ собралось множество пожелавшихъ горѣть, насъ не оставлялъ страхъ и желаніе спасти свою жизнь. Мы выжидали удобнаго случая, чтобы бѣжать, пренебрегая уже и проклятіемъ родителей. Случай представился когда домъ, подожженный самимъ хозяиномъ, началъ пылать: набѣжавшіе сосѣди проломили одно окно и мы высочили.—Сынъ ямщика Иванъ Паякратьевъ, высочившій изъ пожарища по слѣдамъ Ивана Сургутова, говорилъ на слѣдствіи, что и онъ попалъ въ собраніе по настоянію своей матери, которая въ противномъ случаѣ грозила проклятіемъ и отказомъ въ благословеніи, а братъ его малолѣтній Алексѣй былъ унесенъ матерію съ собой въ домъ Шамаева сонный. Дочь Андрея Шамаева показала, что она наканунѣ пожара пришла къ отцу въ гости, не подозрѣвая намѣренія отца горѣть, и была въ домѣ задержана насильно, пока не удалось съ прочими высочить въ окно. Много и другихъ въ проломанное окно намѣревалось высочить, но они были удержаны за ноги и оттащены въ глубь избы. Чаусскіе раскольники во время продолжительнаго

сидѣнія въ 1756 году въ приготовленныхъ къ сожженію съ ними избахъ, разъ вздумали сдѣлать вылазку противъ „непріятеля“, т. е. казаковъ, приведенныхъ тобольскимъ воеводою Бушневымъ. Вышло ночью до 15 челов., вооруженныхъ ружьями и саблями; они напали на стоявшихъ въ караулѣ казаковъ Черепанова и Долгакова, избили ихъ „смертельно“, утащили съ собой въ избы и не выпустили, сгубивъ вмѣстѣ съ собой.

Руководители самоубійствъ всѣ силы употребляли къ тому, чтобы самоубійство, въ глазахъ оболыщенныхъ, представить дѣломъ святымъ, добровольнымъ мученичествомъ, угоднымъ Господу Богу. Въ этихъ видахъ послѣднія минуты жизни посвящались обыкновенно на исповѣдываніе грѣховъ, на общую пламенную молитву и на совершеніе нѣкоторыхъ измышленныхъ старцами и старухами обрядностей. Такъ, по рассказамъ Ивана Сургутова, когда онъ прибылъ въ домъ сосѣда Андрея Шамаева съ отцомъ, матерью, братьями и сестрами, здѣсь раньше ихъ собравшіеся уже молились. Во главѣ всѣхъ стояли три старухи, прибывшіе къ самосожженію изъ села Каменки. Молитва продолжалась до разсвѣта. На разсвѣтѣ явился главный руководитель самосожженія крест. Данило Санниковъ. Началась исповѣдь: сначала Санниковъ исповѣдалъ поодионочкѣ женщинъ, потомъ мушчинъ всѣхъ заразъ, но никого не приобщалъ. Послѣ исповѣди Санниковъ удалился изъ собранія неизвѣстно куда, благословивъ самоубійство и приказавъ хорошенько запереться. Оставшіеся народъ стали исповѣдывать свои грѣхи другъ другу, прощаться другъ съ другомъ, кланаясь въ ноги и, наконецъ, снова стали на молитву, которая на этотъ разъ продолжалась до самаго начала горѣнія. Въ назначенный часъ наутрѣ Андрей Шамаевъ взялъ большой пукъ зажженной лучины, поджогъ приготовленные въ сѣняхъ солому и вѣники и остатки огня бросилъ подъ горницу. Когда пламя охватило зданіе, молившіеся поклонились въ послѣдній разъ до земли и затѣмъ легли на полъ въ ожиданіи смерти.

По рассказамъ раскольника Ивана Кубышева, сидѣвшаго съ чаусскими раскольниками въ 1756 году около семи недѣль, привезенные изъ Барабинской степи старцы—учители Семень Шадринъ и Ѳедоръ Нѣмчиновъ во все время сидѣнія постоянно читали

предъ собраніемъ какія-то книги, толкуя, что троеперстнымъ сложеніемъ креститься не слѣдуетъ, что во избѣжаніе наложенія антихристовой печати (т. е. троеперстнаго сложенія) и для очищенія грѣховъ, нужно горѣть. Впрочемъ большая часть безграмотныхъ слушателей, къ числу коихъ принадлежалъ и Кубышевъ, не понимали чтенія и только кое о чемъ догадывались. Въ послѣднее время Шадринъ и Нѣмчиновъ часто исповѣдывали готовящихся къ смерти и приобщали водой, смѣшанной съ мукой.

Такъ кончали свою жизнь всѣ раскольники-самоубійцы, будучи глубоко убѣждены, что приносятъ себя въ жертву угодную Богу.

И. Сырцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ № 21 и 22.

1 и 16 Ноября 1887 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи. *)

(Продолженіе)

Не безынтересно знать о томъ, какъ относились къ доселѣ описаннымъ нами печальнымъ явленіямъ въ жизни раскольниковъ власти духовныя и гражданскія, возбудившія въ раскольникахъ самоожженія? Власти имѣли не одинаковый взглядъ на причину раскольническихъ самоожженій: гражданскія власти видѣли причину въ преслѣдованіи раскольниковъ и принужденіи ихъ къ принятію православія, а духовныя власти видѣли ее въ послабленіи раскольникамъ со стороны гражданскихъ властей. Слѣдствіемъ этого разногласія было то, что митропол. тобольскій Сильвестръ, не смотря на бѣгство раскольниковъ въ лѣса и на многочисленныя самоожженія, не переставалъ требовать отъ гражданскихъ властей забирая раскольниковъ въ духовныя правленія, а отъ записчиковъ—обращенія заблудшихъ къ истинной вѣрѣ; между тѣмъ какъ гражданскія власти, дѣйствовавшія на первыхъ порахъ за одно съ духовными, спустя нѣкоторое время стали давать раскольникамъ послабленіе и, подъ конецъ, совсѣмъ перестали выполнять требованія преосвященнаго, занявшись исключительно тушеніемъ необыкновенныхъ пожаровъ.

*) См. №№ 19—20 Тобольск. епарх. вѣдом. сего года.

Въ іюлѣ 1750 года митрополитъ Сильвестръ, получивъ донесеніе отъ тюменскаго закащика намѣстника тюменскаго монастыря, іеромонаха Александра съ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ о томъ, что большая часть жителей тюменскаго вѣдомства хотя и считаются православными и были въ минувшую четырехдесятилицу у исповѣди и святаго причастія, но крестятся двуперстно,— обратился особой промеморіей, отъ 13 іюля, въ Сибирскую губернскую канцелярію, прося изслѣдовать, кто учитъ тюменцевъ двуперстному сложенію и самое слѣдствіе съ виновными прислать къ нему. Въ то же время іеромонаху Александру съ тюменскимъ духовенствомъ было предписано: увѣщевать крестящихся двуперстно, чтобы оставили это сложеніе и крестились бы троеперстнымъ сложеніемъ; которые согласятся на это, тѣхъ приводить къ присягѣ въ тюменскомъ монастырѣ по печатному чиноположенію, какъ обращающихся изъ раскола, а которые не согласятся, тѣхъ высылать въ Тобольскъ подъ карауломъ. Это новое распоряженіе митрополита, касающееся уже не однихъ раскольниковъ, но и православныхъ, крестящихся только двуперстно, возбудило въ народѣ всеобщій ропотъ, бѣгство въ лѣса и склонность къ самоожженію, не только между потаенными раскольниками, но и „подлинно“ православными. Гражданская власть была сильно озадачена этимъ необычнымъ явленіемъ, но пока продолжала помогать митрополиту въ преслѣдованіи заблудшихъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1750 года митрополитъ жаловался Святѣйшему Синоду, что гражданскія власти, и особенно заводскіе прикащики, сами придерживающіеся раскола, покровительствуютъ раскольникамъ, не разгоняютъ ихъ, когда они собираются для самоожженій, не забираютъ и не высылаютъ къ закащикамъ для увѣщаній. Въ подтвержденіе сего были приведены два такихъ случая. Въ октябрѣ 1750 года собрались горѣть жители окуневскаго дистрикта дер. Соловьевой и сгорѣли 20 октября, въ числѣ 64 челов. О намѣреніи этомъ заблаговременно былъ извѣщенъ окуневскій управитель Рукинъ, но не хотѣлъ предупредить несчастье: ни самъ не поѣхалъ въ дер. Соловьеву, ни команды не послалъ, а послалъ только, и то уже по третьему извѣстію, старосту Матеія Сорокина, сотскаго Осипа Оботурова и разночинца Федора Рыжкова. Что могли сдѣ-

латъ эти три человѣка, когда собравшихся было больше 60 чел.? Сознавая свое безсиліе, староста Сорокинъ думалъ подѣйствовать на людей добрыми словами, просилъ отдать, по крайней мѣрѣ, младенцевъ, невинно обреченныхъ на погибель, но раскольники отвѣчали только бранью. Попробовалъ было староста заставить прибывшую съ нимъ толпу понятыхъ раззорить гнѣздо раскольниковъ насильно, но толпа сама съ возжелѣніемъ смотрѣла на готовившихся умереть за вѣру и готова была присоединиться къ нимъ. Вскорѣ, на глазахъ старосты и понятыхъ раскольники загорѣлись и стали бросать въ окна народу различныя монеты приговаривая: „примите, кто хочетъ и поминайте насъ“. Народъ спокойно подбиралъ деньги, не думая спасать погибающихъ. Отсутствіе состраданія въ постороннихъ простиралось до того, что никто не хотѣлъ помочь высвободиться изъ пламени даже тѣмъ, кто пытался это сдѣлать. Таковъ былъ крестьянинъ Семень Темниковъ, пришедшій въ собраніе раскольниковъ, чтобы проститься съ дѣдомъ Кирилломъ Темниковымъ и насильно задержанный раскольниками. Теперь онъ, разорвавъ холстъ, которымъ былъ связанъ, пытался выско- чить чрезъ окно и просилъ изъ внѣ помощи. Помощи подано не было и коноводы—самоубійцы увлекли его за ноги во внутрь избы, гдѣ онъ и сгорѣлъ. Будь бы на мѣстѣ происшествія самъ управитель Рукинъ съ солдатами, ничего этого, по мнѣнію митрополита, не могло бы случиться. Другой случай: Краснослободская управительская канцелярія, пишетъ митрополитъ, совѣмъ отказала священнику Карпову Ѳедору въ высылкѣ на увѣщаніе нѣкоторыхъ раскольниковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что если ихъ потребовать къ увѣщанію, то пожалуй всѣ краснослободскіе жители перего- рятъ, такъ какъ они всѣ держатся раскола и ни за что не желаютъ присоединиться къ церкви.

Независимо отъ жалобы Святѣйшему Синоду, митрополитъ снова просилъ Сибирскую и Оренбургскую канцеляріи, чтобы подтвердили провинціальнымъ канцеляріямъ о содѣйствіи духовнымъ закащикамъ и сыщикамъ въ отысканіи и приведеніи къ православію раскольниковъ. Причемъ просилъ учредить по деревнямъ особыхъ надзирателей изъ правовѣрныхъ, которые бы наблюдали за сосѣдями и немедленно доносили начальству обо всемъ, что касается

раскола. Для большей убѣдительности были препровождены въ губернскія канцеляріи копии съ нѣсколькихъ царскихъ, сенатскихъ и синодскихъ указовъ прежняго времени, коими повелѣвалось не дѣлать раскольникамъ ни малѣйшаго послабленія.

Святѣйшій Синодъ не отвѣчалъ митрополиту ничего. Губернскія канцеляріи, по требованію митрополита, сдѣлали строгія напоминанія провинціальнымъ канцеляріямъ о содѣйствіи духовнымъ закащикамъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ. Но мѣстныя гражданскія власти стали совсѣмъ склоняться на сторону раскольниковъ единственно потому, чтобы прекратить самосожженія. Не стала, на примѣръ, выполнять требованія митрополита, не смотря на строгія подтвержденія со стороны губернскаго начальства, Исетская провинціальная канцелярія. Къ этому она была вызвана слѣдующимъ случаемъ. Въ апрѣлѣ 1751 г. были высланы къ челябинскому закащику протоіерею Петру Флоровскому всѣ записные раскольники шадринскаго и окуневскаго дистриктовъ. Всѣ они по увѣщанію обратились въ православіе, были приведены къ присягѣ и распущены по домамъ; но домой почти никто изъ нихъ не возвратился: одни собрались въ полѣ на пашнѣ въ старой избѣ и сгорѣли въ числѣ 64 челов., другіе разбѣжались неизвѣстно куда. Слѣдуя примѣру ихъ, и незаписные раскольники окуневскаго дистрикта стали во множествѣ собираться и объявляли уличнымъ надзирателямъ, что намѣрены сгорѣть, потому, что ожидаютъ изъ Исетска челябинскаго закащика Флоровскаго съ строгими указами отъ канцеляріи. Но если, сказали раскольники, никто имъ никакого притѣсненія въ вѣрѣ дѣлать не станетъ, то они разойдутся по домамъ и будутъ жить спокойно, станутъ платить государственныя подати и двойной подушный окладъ безъ недоимокъ. Когда было доведено объ этомъ до свѣдѣнія Исетской канцеляріи, она разсудила такъ: „ежели не дать раскольникамъ отваги, то чаятельно, всѣ они сгорятъ безъ остатку, а правовѣрнымъ крестьянамъ, оставшимся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили раскольники, будетъ великая тягость, ибо положенныя на раскольниковъ подушныя деньги и оброчный провіантъ придется платить имъ, и они отъ этого могутъ придти въ крайнюю несостоятельность“. „Раскольники“, продолжаетъ разсуждать канцелярія, „такъ злонравны и

на столько замерзѣли въ богопротивной раскольнической ереси, что не жалѣютъ не только домовъ своихъ и пожитковъ, чѣмъ имъ можно платить казенныя подати, но и жизни своей, предавая себя сожженію. Отъ притѣсненія и принужденія къ православію не только перегорѣло ихъ большое множество нынѣ и раньше въ Буткинской, Картамышской и Челябинской провинціяхъ, и множество намѣрены горѣть, но даже мѣанскій сборщикъ податей Челпановъ въ Челябинѣ, куда прибылъ для сдачи податей зарѣзался“.

Принимая все это во вниманіе, Исетская канцелярія рѣшила: раскольниковъ изъ остроговъ и слободъ въ канцелярію и заказы нынѣ, впредь до указа, не высылать, и никакого имъ озлобленія и страху не чинить, и объявить имъ, чтобы они, не опасаясь ничего, жили при своихъ домахъ и по прежнему платили указныя подати, и о томъ во все дистрикты и особенно въ Буткинскую слободу (гдѣ собрались раскольники горѣть, но еще не сгорѣли) послать указы, ибо другаго способа къ тому (т. е. къ прекращенію самосожженій) не отыскалось. Между тѣмъ просить Оренбургскую губернскую канцелярію дать свой указъ: какимъ способомъ раскольниковъ ловить и приводить къ правосѣрію, или дать имъ ради вышеписанныхъ резоновъ отвагу и къ тому не принуждать, дабы они хотя мало отважились, къ сгорѣнію себя не предали“.

Мѣра эта къ прекращенію самосожженій оказалась несравненно дѣйствительнѣе насильственнаго раззоренія скопищъ и увѣщаній. Раскольница дѣвица Агаѣя Григорьева въ ноябрѣ 1751 года въ Челябинскомъ духовномъ правленіи рассказывала про Буткинскихъ раскольниковъ, намѣревавшихся горѣть, слѣдующее. „На пасхѣ нынѣшняго года больше сотни записныхъ раскольниковъ мужчинъ и женщинъ собрались изъ разныхъ деревень въ домъ крестьянина дерев. Калиновки Егора Неприна, гдѣ была и я, и учинили между собой такой совѣтъ, чтобы имъ раскольникамъ, якобы для спасенія души, сгорѣть. Все уже было приготовлено къ самосожженію: принесено въ избу множество сухихъ дровъ, кое-куда подложено пороху,—оставалось только поджечь. Но самоубійствомъ не торопились, ждали новыхъ извѣстій изъ Исети и въ такомъ ожиданіи прошелъ цѣлый мѣсяць. Между тѣмъ изъ

Буткинской слободы пришелъ разсыльный и объявилъ, что раскольниковъ требуютъ въ Исеть для выслушанія какого то новаго указа. Нѣкоторые изъ муштинъ раскольниковъ рѣшились сходить и возвратившись объявили собранію, что начальство позволяетъ имъ креститься двуперстно и даетъ полную свободу въ другихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Тогда всѣ раскольники разошлись по домамъ и зажили по прежнему.

Къ сожалѣнію, Оренбургское губернское начальство пока еще оставалось на сторонѣ крупныхъ мѣръ противъ раскольниковъ и потому представленіе Исетской канцеляріи о предоставленіи имъ хотя малой отваги было оставлено безъ послѣдствій. Не получая на свое представленіе никакого отвѣта, Исетская канцелярія, чрезъ мѣсяць, поколебалась въ своемъ рѣшеніи и по настоятельному требованію челябинскаго закащика протоіерея Флоровскаго снова стала разсылать указы о высылкѣ раскольниковъ въ Исеть и Челябину. Такой указъ былъ посланъ между прочимъ въ Окуневскую управительскую канцелярію. Раскольники снова побѣжали въ лѣсъ и произошло нѣсколько новыхъ случаевъ самоубійствъ и утоплений. По этому именно поводу сгорѣли 25 апрѣля 1751 года крестьянинъ дер. Журавлевой Иванъ Бѣлыхъ и жена разночинца Варвара Япончинцева съ двумя дочерьми, крестьян. дер. Обаниной Анига Журавниковъ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, разбѣжалось до 29 челов. женщинъ и дѣтей и утопилась въ проруби жена крестьянина дер. Королей Стефана Кудрявцева съ шестерыми дѣтьми.

Въ виду новыхъ самоубійствъ, Исетская канцелярія опять стала смягчаться, не стала покрайней мѣрѣ подолгу держать у себя забранныхъ раскольниковъ, хотя бы они и не обращались въ православіе. Въ сентябрѣ 1751 г. священники Исетскаго острога Аѳанасій Райковъ и Гавріилъ Лыткинъ жаловались митрополиту Сильвестру, что жители исецкаго острогу—раскольники 29 челов. хотя и были вожены въ Челябину и спрашиваемы о вѣрѣ, но по требованію Исетской канцеляріи отпущены обратно, не обратившимися, а взять ихъ къ принужденію стало не кѣмъ.

Въ началѣ 1752 года Исетская канцелярія снова рѣшилась дать раскольникамъ полную свободу и стала отстаивать ихъ отъ

притѣсненій со стороны заащиковъ. Воскресенскій заащикъ священникъ Іоаннъ Протасовъ, 18 апрѣля 1752 г. за № 32, доносилъ митроп. Сильвестру, что онъ согласно указу преосвященнаго въ февралѣ и мартѣ требовалъ къ себѣ раскольниковъ для увѣщаній и обращенія чрезъ окуневскую провинціальную канцелярію, но канцелярія отвѣтила, что она, имѣя въ виду особое распоряженіе о раскольникахъ со стороны Исетской канцеляріи, озлоблять своимъ требованіемъ раскольниковъ больше не можетъ и объявила имъ, чтобы они не опасаясь ничего жили при домахъ своихъ по прежнему и указныя подати платили, дабы оныя (раскольники) наивящше все безъ остатку раззориться или сжечь себя не могли и затѣмъ не моглось послѣдовать въ платежѣ государственной подати не малой недоимки. *)

Митрополитъ Сильвестръ однако оставался увѣжденнымъ въ томъ, что самосожженія случаются скорѣе отъ послабленія раскольниковъ, чѣмъ отъ преслѣдованія ихъ, и настаивалъ на забраніи ихъ и приведеніи въ правовѣріе, тѣмъ болѣе, что роспускъ изъ духовныхъ правленій и канцелярій раскольниковъ не обращенными производитъ въ народѣ большой соблазнъ,—многіе потаенные раскольники и обращенные изъ раскола открыто начинали быть раскольниками. Такъ случилось, на примѣръ, при отпускѣ изъ Челябы 23 челов. упорныхъ раскольниковъ; какъ скоро они возвратились по домамъ необращенными, къ нимъ присоединились и недавно обращенные 29 челов., и никакія увѣщанія со стороны исетскихъ священниковъ Райкова и Лыткина уже не могли увѣдить ихъ въ ложности раскольническаго ученія, „а взять ихъ подъ караулъ стало не кѣмъ“, прибавляютъ о.о. Райковъ и Лыткинъ въ своемъ рапортѣ митрополиту.

Получивъ рапортъ отъ исетскихъ священниковъ Аванасья Райкова и Гавріила Лыткина объ освобожденіи Исетской канцеляріей изъ подъ караула 23-хъ упорныхъ раскольниковъ, митроп. Сильвестръ промеморіей, отъ 6 сентября 1751 г. за № 21716, на имя Оренбургской губернской канцеляріи старается выставить на видъ: какое зло причиняютъ церкви православной разные шатаю-

*) *Донесеніе о. Протасова 18 апр. 1752 г. № 32, дѣло № 154.*

щіеся во множествѣ подѣ именемъ „невьянскихъ нищихъ“ бродяги раскодоучители, и указываетъ: какъ небезопасно и соблазнительно давать раскольникамъ послабленіе, какое даетъ Исетская канцелярія, отпуская ихъ по домамъ необращенными и не забирая вновь подѣ карауль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ губернскую канцелярію еще разѣ вмѣнить Исетской канцеляріи въ непремѣнную обязанность руководствоваться по отношенію къ раскольникамъ послѣднимъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюня 1750 года, коимъ повелѣвается „записавшихся вновь въ расколъ слѣдовать и исправлять безѣ малѣйшаго продолженія, упущенія же и послабленія, а съ незаписавшимися поступать по правиламъ святыхъ отецъ и по Регламенту непремѣнно“. Но ни откуда не видно, чтобы Оренбургская канцелярія по этому требованію митрополита сдѣлала подтвержденіе Исетской и другимъ провинціальнымъ канцеляріямъ. Легко предположить, что и губернскія власти стали склоняться на сторону раскольниковъ, если не изѣ состраданія къ несчастнымъ, то изѣ видовъ государственно-экономическихъ, какъ поступала Исетская канцелярія. Однако и одобренія дѣйствій Исетской канцеляріи со стороны губернскаго начальства не послѣдовало, изѣ опасенія нажить непріятности отъ митрополита. Во всякомъ случаѣ Исетская канцелярія продолжала давать раскольникамъ болѣе и болѣе отвагу и благодаря этому по исетской провинціи съ конца 1752 года раскольническія самосожженія прекратились.

Но не прекратились они въ другихъ провинціяхъ, тамъ, гдѣ сила распоряженій митроп. Сильвестра не подрывалась никакими противодѣйствіями, а напротивъ увеличивалась усердіемъ какъ духовныхъ закащиковъ, такъ и мѣстныхъ гражданскихъ властей. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ самосожженій послѣ 1752 года принадлежитъ самосожженіе 172 чел. раскольниковъ, томской провинціи чаусскаго острога, случившееся въ 1756 году, когда не было уже въ Сибирской епархіи митрополита Сильвестра и новый митроп. Павелъ еще не прибылъ къ мѣсту служенія. Намъ уже не разѣ приходилось упоминать объ этомъ самосожженіи; къ сказанному можно прибавить только то, что одною изѣ главныхъ причинъ, вызвавшихъ его, было усердіе мѣстнаго духовенства въ

выполненіи распоряженій бывшаго митрополита. „Мы собрались“, писали чаусскіе раскольники 17 іюня 1756 г. въ Чаусскую судную контору, „чаусскаго острогу изъ разныхъ деревень въ дер. Кашламскую для того, что Чаусскаго острогу Ильинской церкви священники принуждаютъ насъ къ церкви“.

Не давая раскольникамъ никакой отваги, какъ поступала Исетская провинціальная канцелярія, губернскія власти однако были сильно озабочены прекращеніемъ самосожженій, охватившихъ почти всю западную Сибирь, и принимали энергичныя мѣры. Мѣры эти состояли исключительно въ послылкѣ къ мѣсту горѣнія солдатъ и священниковъ увѣщателей и въ производствѣ слѣдствій о причинѣ, вызвавшей то или другое самосожженіе. Этого требовала и учрежденная при Сенатѣ Контора о раскольникахъ. Въ 1751 г. изъ этой Конторы на имя сибирскихъ властей послѣдовалъ цѣлый рядъ указовъ, повелѣвающихъ принять мѣры къ прекращенію самосожженій. Таковы указы на имя Сибирской губернской и тюменской воеводской канцелярій: отъ 28 февраля за № 80 и 6 марта за № 465 по поводу самосожженій 6 октября 1750 года раскольниковъ Верхотурскаго, Туринскаго и Тюменскаго ямовъ, отъ 14 марта за № 763, по поводу самосожженія 20 октября шадринскихъ раскольниковъ 64 чел., отъ 18 марта за № 814 по поводу сгорѣвшихъ 1 августа 1750 г. въ дер. Мальцевой 14 чел. и т. д. Во всѣхъ указахъ повторялось одно и то же: „о сгорѣвшихъ произвести слѣдствіе, отыскать наставниковъ и сообщниковъ самосожженій и поступить съ ними по законамъ“. *)

Обыкновенно случалось такъ, что о намѣреніи тѣхъ или другихъ раскольниковъ горѣть власти узнавали уже тогда, когда раскольники соберутся въ извѣстномъ мѣстѣ, примутъ всѣ предосторожности на случай прибытія солдатъ и совсѣмъ приготовятся къ самоубійству. По первому извѣстію начальство спѣшило командировать къ мѣсту скопленія самоубійцъ особаго чиновника съ солдатами и понятными и священниковъ. Иногда давало чиновнику въ руководство подробную инструкцію. Вотъ текстъ одной инструкціи, данной изъ Сибирской губернской канцелярій тюменскому воеводѣ.

*) Дѣло № 81.

1) Немедленно отправить из Тюмени в дер. Гусеву (гдѣ раскольники готовились горѣть и сгорѣли) искуснаго и надежнаго оберъ-офицера съ командою изъ 20 драгунъ и 20 казаковъ. Оберъ-офицеръ долженъ ѣхать секретно; по прибытіи в дер. Гусеву, команду долженъ оставить в скрывномъ мѣстѣ, такъ чтобы собравшіеся горѣть объ ней ничего не знали, а самъ съ небольшимъ числомъ понятахъ долженъ ѣхать в деревню и объявить раскольникамъ, что они будутъ помилованы, если разойдутся, что притѣснять ихъ и къ присягѣ приводить насильно никто не будетъ. Между тѣмъ скрывающаяся за деревней команда должна переодѣться в деревенскихъ мужиковъ и нищихъ, вступать в деревню неторопясь небольшими партіями и окружить домъ, в которомъ раскольники засѣли. Когда окажется, что раскольники не сдаются ни на какія увѣщанія и не хотятъ оставить своего намѣренія, тогда оберъ-офицеръ долженъ отдать командѣ приказъ переловить всѣхъ собравшихся, выбравъ къ тому удобное время, хотя бы даже в праздникъ Воскресенія Христова (дѣло было предъ Пасхой), вытаскать изъ избы особо устроенными на длинныхъ шестахъ крючьями; изловленныхъ такимъ образомъ долженъ перековать по рукамъ и по ногамъ и прислать в Тобольскую губернскую канцелярію.

2) Родственниковъ собравшихся для самоожженія, призвавъ немедленно в воеводскую канцелярію, обязать подпискою в томъ, что они подъ опасеніемъ смертной казни будутъ отъ себя писать къ намѣревающимся горѣть, чтобы они возвратились в свои дома; но самимъ родственникамъ и никому другому ни в какомъ случаѣ не позволять входить в избу, предназначенную къ сгорѣнію съ людьми, и съ цѣлью воспрепятствовать имъ в этомъ, разставить по дорогамъ драгунъ и казаковъ.

3) Немедленно по всему тюменскому вѣдомству, не только в острогахъ и слободахъ, но и в деревняхъ, объявить съ подписками высочайшій указъ 1722 года, обязывающій всякаго объявлять начальству о раскольникахъ, намѣреющихся горѣть, и ловить ихъ.

Такого рода инструкціи разосланы были во всѣ города и дистрикты тобольской губерніи. (Дѣло № 61).

Въ свою очередь тобольскій митропол. Сильвестръ ставилъ закащикамъ и приходскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность отправляться съ гражданскими чиновниками, а иногда и безъ нихъ, къ раскольникамъ для увѣщанія ихъ, и наказывалъ неисправныхъ. Троицкаго Рафайловскаго монастыря игумень Александръ 15 апрѣля 1751 г. донесъ митроп. Сильвестру, что ночью 12 апрѣля въ дер. Береговой сгорѣло 33 челов. раскольниковъ и что съ этою же цѣлью въ дер. Дворцовой собралось множество другихъ раскольниковъ, для увѣщанія которыхъ отправились изъ Исетской канцеляріи титулярный совѣтникъ Мировичъ и священникъ Аѳанасій Райковъ. Митрополитъ оштрафовалъ игумена Александра 6 руб. въ пользу семинаріи и приказалъ положить въ церкви при братіи 300 земныхъ поклоновъ за то, что самъ не поѣхалъ къ раскольникамъ для увѣщанія ихъ.

Но раскольники, какъ мы уже замѣчали, были болѣе предусмотрительны; они укрѣплялись въ своихъ избахъ и нарочно выстроенныхъ срубахъ такъ, что могли спокойно сидѣть, не боясь приступовъ солдатъ, недѣли и мѣсяцы, и, въ случаѣ неустойки, имѣли возможность почти моментально воспламениться. Присутствіе чиновниковъ и увѣщателей давало раскольникамъ только поводъ высказаться, излить предъ ними всю горечь своей земной жизни. Приведемъ нѣсколько сценъ въ этомъ родѣ.

Въ октябрѣ 1750 г. до свѣдѣнія Тюменской воеводской канцеляріи и Тюменскаго духовнаго правленія дошло, что жители дер. Жолобовой куда-то изъ домовъ скрылись. Немедленно были командированы по слѣдамъ ихъ канцеляристъ Иванъ Непряхинъ и священникъ Иванъ Карповъ съ пристойнымъ числомъ казаковъ. Священникъ Карповъ, впрочемъ, не торопился и отсталъ отъ Непряхина. Послѣдній, побывавъ въ дер. Жолобовой, узналъ, что раскольники скрылись на заимку крестьян. дер. Медвѣдовой Петра Сидорова. Къ Непряхину съ казаками присоединилось до 70 челов. понятыхъ. Всѣ отправились на заимку; но здѣсь никого не нашли; однако были видны свѣжіе слѣды дальше въ боръ. Отправились по этимъ слѣдамъ и наткнулись на оставленную кѣмъ-то у дерева запряженную лошадь. Дальше въ боръ путь былъ болотистый, почти непроходимый. Хотя съ большимъ тру-

домъ и опасностью, однако пошли дальше въ полной увѣренности, что раскольники скрылись за болотами. Черезъ нѣсколько часовъ былъ замѣченъ огромнѣйшій, новый срубъ, переполненный народомъ.

— Не подходите къ намъ близко, закричали обречшіе себя на смерть раскольники, мы сейчасъ будемъ горѣть и взрывы пороха убьютъ васъ.

Въ это время нѣкоторые изъ сидѣвшихъ въ срубѣ показались на крышѣ съ ружьями и грозили стрѣльбой.

Однако одинъ изъ понятыхъ крестьянинъ Петръ Салтыковъ не убоился угрозъ, подошелъ къ самому срубѣ и вступилъ въ переговоры съ предводителемъ раскольниковъ крестьянъ Петромъ Сидоровымъ.

— Для чего вы, братцы, губите себя, сказалъ Салтыковъ, образумьтесь, разойдитесь, никто васъ не станетъ притѣснять и обижать.

— Не стало намъ житья на свѣтѣ, отвѣчалъ Петръ Сидоровъ, насъ отягощаютъ налогами и поборами, моряютъ въ тюрьмѣ, возятъ въ Тобольскъ, принуждаютъ креститься тремя перстами. Легче для насъ умереть, чѣмъ терпѣть медленное мученіе и погибать на вѣки.

— Начальство жалѣетъ васъ и хочетъ дать вамъ свободу, повѣрьте мнѣ, разойдитесь, не губите себя и своихъ ничѣмъ неповинныхъ дѣтей.

— Нѣтъ, никому не повѣримъ, что начальство смилуется надъ нами, натерпѣлись, больше не можемъ. Прощайте, молитесь за насъ Богу.

Съ этими словами Сидоровъ захлопнулъ окно, черезъ которое разговаривалъ—и не прошло четверти часа, какъ срубъ запылалъ сразу въ трехъ мѣстахъ.

Непряхинъ съ казаками и понятыми бросились было ломать зданіе и таскать погибающихъ; но оно было такъ прочно устроено, что не могли сдвинуть ни одного бревна. Пришлось отказаться отъ попытки, переждать, пока не сгорятъ зданія, и сосчитать трупы. Это было единственнымъ результатомъ командировки канцеляриста Непряхина съ казаками.

Въ декабрь 1750 г. скрылось изъ домовъ нѣсколько семействъ изъ слободы Городище, ишимской провинціи, и собрались въ домъ крестьянина дер. Бурмистовой Анисима Васильева. По просьбѣ ишимской управительской канцеляріи, командиръ Луцкаго полка секундъ-маіоръ—Доніусъ немедленно командировалъ въ дер. Бурмистову прапорщика Ивана Молостова съ командою солдатъ изъ 25 челов. Молостовъ прибылъ въ дер. Бурмистову ночью на 19 декабря, съ небольшимъ числомъ понятыхъ, оставивъ команду за версту отъ деревни, чтобы преждевременно не перепугать раскольниковъ. Пользуясь темнотою ночи, онъ незамѣтно разставилъ около дома Анисима Васильева караулъ и готовъ былъ войти въ домъ. Но раскольники были предупреждены своими караульными и немедленно подожглись.

Молостовъ скомандовалъ было ломать двери, окна, самый домъ; но оказалось, что этого сдѣлать положительно невозможно: двери и окна были изнутри приперты большими бревнами, домъ былъ со всѣхъ сторонъ обложенъ льномъ, содомой, стружками, смолемъ и мгновенно запылалъ такъ, что къ нему нельзя было приблизиться. Между тѣмъ на крышѣ показались нѣкоторые, болѣе ярые фанатики и начали бросать въ народъ серебряныя монеты, старопечатныя книги, тетради, платье, приговаривая: „поминайте насъ и спасайтесь сами. Въ мірѣ нѣтъ спасенія, антихристъ воцарился и разослалъ своихъ слугъ по всѣмъ странамъ“.*)

Въ маѣ 1756 года засѣли въ нарочно выстроенныхъ за болотами, въ бору, семи избахъ раскольники Чаусскаго острога и сидѣли около двухъ мѣсяцевъ. 17-го іюня изъ своей засады они послали въ Чаусскую судную контору „Извѣстіе“, содержаніе котораго нами изложено въ III главѣ. Къ нимъ нѣсколько разъ ѣздили чиновники и увѣщатели—священники. Въ послѣднее время ихъ убѣжище даже было постоянно окружено казаками. Случаевъ высказаться представлялось такимъ образомъ множество.

Въ концѣ мая нѣсколько день велъ переговоры съ засѣвшими чаусскій управитель Копьевъ, прибывшій, по обычаю, съ казаками и понятыми.

*) *Репортъ командира Луцкаго полка тобольскому губернатору, отъ 23 декабря 1750 года.*

24 мая, на примѣръ, происходилъ у Копьева съ показавшимся на крышѣ наставникомъ Ѳеодоромъ Нѣмчиновымъ слѣдующій разговоръ:

— Расходитесь, васъ не станутъ притѣснять ни чиновники, ни священники. Всѣ, кто васъ раньше притѣснялъ, будутъ уволены отъ службы и преданы суду. Губернская канцелярія уже повелѣла произвести слѣдствіе.

Такъ говорилъ Копьевъ наставнику Нѣмчинову.

— Напрасно вы, господинъ управитель, говорите такъ, мы не повѣримъ, не можетъ быть, чтобы слуги антихриста перестали выполнять его повелѣнія, выведите прежде изъ церкви ереси, — отвѣтилъ Нѣмчиновъ и скрылся въ глубинѣ дома.

На мѣстѣ Нѣмчинова скоро показалось до 20 челов. прочихъ раскольниковъ съ ружьями и сказали:

— Если бы перестали насъ гонить, мы разошлись бы по домамъ и стали бы жить, пока Богъ не пошлетъ смерть, но этого нельзя ожидать, и мы умремъ, какъ скоро кто-либо изъ васъ, хотя бы *три человека*, станете нападать на насъ.

25 мая раскольники сами вызвали Копьева на бесѣду, но съ тѣмъ, чтобы онъ и прочіе, сопровождавшіе его, дворяне Греченины и казаки приблизились къ избамъ безъ ружей и безъ шпагъ.

Вышелъ на крышу тотъ же Нѣмчиновъ и заговорилъ:

— Я самъ лѣтъ тридцать назадъ былъ комиссаромъ въ Бергомацкой слободѣ, но отлучился ради гоненія. И въ то время также гонили, какъ и нынѣ: креститься велѣли тремя, а не двумя перстами и бороды брить понуждали. Прежде того и поднесъ въ церквахъ нѣтъ благочестія, но ересь.

Вслѣдъ за Нѣмчиновымъ выскочилъ другой наставникъ Семенъ Шадринъ и закричалъ толпѣ, окружающей Копьева:

— Въ церкви ересь: служатъ на пяти просфорахъ, просфоры печатаютъ крыжемъ, бороды брѣютъ, пьютъ табакъ, а священники этого въ грѣхъ не ставятъ. Что вы стоите и слушаете слугъ антихристовыхъ? Не слушайте, не вѣрьте имъ, всѣхъ благочестивыхъ предадутъ казни, посадятъ на колѣе. Идите къ намъ!...

Спустя нѣсколько минутъ показалось на крышахъ до 30 челов., которые сказали: „ежели намъ выйти, то не чѣмъ будетъ

платить подати, мы раззорены поборами и казенными работами, лучше умереть, не мѣшайте намъ“.

Въ этомъ родѣ велись Копьевымъ переговоры и въ другіе дни.

Въ половинѣ іюня былъ у чаусскихъ раскольниковъ, по порученію Тобольской губернской канцеляріи, тобольскій воевода Бушневъ. Онъ объявилъ раскольникамъ, что губернская канцелярія поручила ему произвести слѣдствіе о притѣснителяхъ раскольниковъ, что нѣкоторые чиновники, несправедливо поступавшіе съ ними уже општрафованы, даже уволены отъ службы, что губернское начальство обѣщаетъ раскольникамъ покровительство и защиту, лишь бы только расходились по домамъ и жили по прежнему.

Раскольники на отрѣзъ, почти всѣ въ голосъ сказали: „Мы собрались страдать за вѣру и крестъ Христовъ и не отмѣнимъ своего намѣренія“.

Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, сидѣвшіе въ числѣ 172 челов. сгорѣли на глазахъ Бушнева, солдатъ и многочисленной толпы понятыхъ. Спаслось только нѣсколько человѣкъ не больше десяти: человѣкъ пять раньше тайно вышли изъ собранія и тоже не больше пяти вытащены изъ пламени солдатами.

Съ 1756 до 1760 г. не было ни одного случая самосожженій. Вѣроятно этому способствовала перемѣна тобольскаго митрополита. Съ отбытіемъ изъ Тобольска митроп. Сильвестра до прибытія новаго митроп. Павла некому было настаивать на преслѣдованіи раскольниковъ. Но и новый митрополитъ первые годы своего служенія пока еще не обращалъ на раскольниковъ своего особаго вниманія. Раскольники почувствовали малую „отвагу“ и жили по домамъ спокойно. Но съ 1760 года снова запылали въ разныхъ концахъ Сибири срубы съ людьми. Краткую исторію этихъ самосожженій мы изложимъ въ слѣдующей главѣ.

И. Сырцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ № 7 и 8.

1 и 16 Апрелья 1888 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Самосожигательство Сибирских старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтїи. *)

V.

Коммисія о раскольникахъ въ Екатеринбургѣ при митрополитѣ Павлѣ (1758—1769 г.) **)

Къ возбужденію новыхъ самоожженій между Сибирскими старообрядцами послужила учрежденная митрополитомъ Павломъ Конюшевичемъ въ 1760 году въ городѣ Екатеринбургѣ коммисія о раскольникахъ.

Коммисія была учреждена по слѣдующему ничтожному, повидимому, поводу. Діаконъ Невьянскаго Демидовскаго завода Преображенской церкви Иванъ Конюховъ однажды провѣдалъ, что въ домѣ раскольника заводскаго крестьянина Антона Сквородникова появилась какая то „лжестарица“. Желая выслужиться предъ своимъ начальствомъ и недолго думая, онъ 4 августа 1760 года пошелъ въ домъ Сквородникова, дѣйствительно нашелъ тамъ какую то пришлую старуху въ монашескомъ одѣяніи и повелъ ее изъ дома, намѣреваясь представить начальству, какъ бродягу и лжеучительницу. Но Сквородниковъ не хотѣлъ выдать старухи. Онъ извѣстилъ о случившемся сосѣдей раскольниковъ Ивана Тараканова и Василья Кириякова. Постѣдніе успѣли прибыть, отняли старуху и самого діакона побили.

Діаконъ Конюховъ пожаловался на побившихъ его Тобольскому митрополиту Павлу. Преосвященный Павелъ потребовалъ отъ Сибирской губернской канцеляріи, чтобы появившаяся въ Невьянскѣ старуха—раскольница была поймана, а укрывающій

*) См. Тобольскія епарх. вѣдом. 1887 года №№ 21 и 22.

***) Изъ дѣла о Екатеринбургской коммисіи Тобольской духовной консисторіи по архиву № $\frac{155}{90}$ (1761 г.).

ее раскольникъ Антонъ Сквородниковъ и причинившіе діакону Конохову побои Таракановъ и Киріяковъ были взяты въ Tobольскъ и преданы суду. Сибирская канцелярія командировала съ этою цѣлью въ Невьянскъ прапорщика Якова Кокшарова съ тремя солдатами, а митрополитъ съ своей стороны 6 сентября 1760 года предписалъ екатеринбургскому протоіерею Θεодору Кочневу быть при выполненіи Кокшаровымъ порученія депутатомъ съ духовной стороны.

Прапорщикъ Кокшаровъ съ солдатами и протоіереемъ Кочневъ въ концѣ сентября прибыли въ Невьянскъ. Старухи—старичи здѣсь они уже не нашли; за то узнали, что въ Невьянскѣ, кромѣ записныхъ раскольниковъ, есть не мало и незаписныхъ, „потаенныхъ“. Ревнуя по вѣрѣ православной, они были намѣрены, вмѣстѣ съ Антономъ Сквородниковымъ съ товарищами, забрать и отправить въ Tobольскъ и этихъ потаенныхъ раскольниковъ. Но за раскольниковъ неожиданно вступилась Невьянская заводская контора. Она рѣшительно объявила сыщикамъ, что безъ разрѣшенія со стороны Главнаго правленія казанскихъ, оренбургскихъ и пермскихъ заводовъ не выдастъ имъ изъ заводскихъ крестьянъ ни одного человѣка. Сыщики пожаловались на Невьянскую контору Главному правленію заводовъ, но и правленіе отказало въ выдачѣ раскольниковъ, написавъ Tobольской консисторіи, чтобы она, если находитъ за раскольниками какія вины, поручила произвести о нихъ слѣдствіе на мѣстѣ въ Невьянскѣ, или по близости въ Екатеринбургѣ, не требуя ихъ въ Tobольскъ, отстоящій больше, чѣмъ за 500 верстъ.

Вниманіе преосвященнаго Павла было обращено теперь преимуществу на потаенныхъ раскольниковъ. Онъ согласился не требовать ихъ безъ особенной нужды въ Tobольскъ. Но въ видахъ большаго открытія ихъ, поручилъ протоіерею Кочневу съ прапорщикомъ Кокшаровымъ произвести о нихъ тщательное изслѣдованіе и въ помощь Кочневу назначилъ екатеринбургскаго священника Аванасія Воинственнаго и билимбаевскаго десятильника священника Симеона Алексѣева.

Такимъ образомъ въ концѣ 1760 года въ Екатеринбургѣ составила слѣдственная коммисія о потаенныхъ раскольникахъ,

получившая отъ преосвященнаго Павла въ руководство довольно подробную инструкцію. *)

Екатеринбургская судныхъ и земскихъ дѣлъ контора 26 мая 1761 года доносила съ канцелярію Главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ, между прочимъ, слѣдующее: „Промеморіею изъ учрежденной здѣсь въ Екатеринбургѣ о раскольниковыхъ дѣлахъ слѣдственной комисіи объявлено: понеже де по присланному въ ту комисію изъ канцеляріи Тобольской духовной консисторіи указу и подлинной инструкціи велѣно здѣсь въ Екатеринбургѣ и вѣдомства онаго въ прочихъ заводахъ о находящихся раскольникахъ, неправильно женившихся и вѣнчанныхъ въ лѣсахъ потаенными раскольниковыми попами, такихъ и послѣ ревизіи о вновь рожденныхъ дѣтяхъ произвести въ той комисіи въ неотлагательномъ времени, въ силу именныхъ ея императорскаго величества указовъ, слѣдствіе. А по даннымъ де той комисіи слѣдователямъ инструкціямъ, между прочимъ, повелѣно: буде кто по какимъ либо доносамъ и обличеніямъ окажется въ подозрѣніи, брать въ ту комисію и допрашивать, ежели же до прѣма окажется, что они раскольники такъ учинили, въ противность святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правилъ, правъ государственныхъ и ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, таковыхъ раскольниковъ содержать кованыхъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, подъ особымъ и необслабнымъ карауломъ, не отписываясь: подъ чьимъ оные судомъ состоятъ, понеже де въ силу тѣхъ же именныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ свѣтскимъ командирамъ по требованіямъ духовныхъ командъ велѣно чинить въ поимкѣ тѣхъ воровъ раскольниковъ всякое и безотрицательное вспоможеніе“.

Такова была задача комисіи, насколько можно судить по приведенному, постороннему документу.

Но комисія на первыхъ же порахъ возбудила сильное неудовольствіе и даже противодѣйствіе, какъ мы уже замѣтили, со стороны заводскихъ властей. Въ виду этого митрополитъ Павелъ

*) Къ сожалѣнію, инструкціи въ дѣлѣ не сохранилось, но указанія на разные пункты ея (до 8-10) встрѣчаются нередко.

желалъ, чтобы комиссія была утверждена и получила широкое полномочіе со стороны высшаго начальства. Изложивъ причины, побудившія его командировать въ Екатеринбургъ особыхъ слѣдователей о раскольникахъ, митрополитъ 5 іюня 1761 года, между прочимъ, писалъ Святѣйшему Синоду слѣдующее: „Не соблаговолятъ ли Святѣйшій Синодъ для способнѣйшаго удова возможнѣйшаго раскольническихъ поповъ и происходившихъ отъ нихъ дѣйствъ изысканія и истребленія, чтобы въ епархіи нашей оная прелесть болѣе не размножалась, находящагося въ гор. Екатеринбургѣ подполковника Савву Тихомірова къ оному слѣдствію присовокупя и придавъ ему команду опредѣлить, и быть особо учрежденной на то въ Екатеринбургѣ комисіи. Это признается мною за лучшее къ скорому тѣхъ раскольниковъ искорененію потому, что о сыску таковыхъ прелестниковъ пока еще по командамъ идетъ время въ перепискахъ, а за дальность разстояній и въ пересылкахъ, они раскольники прежде времени свѣдавъ укрываются въ другія имъ свѣдомыя мѣста и прельщая простой народъ сгорѣнію предають, а сами оставшимися отъ нихъ пожитками, заграбливая онаы, корыстуются и богатѣють, и такъ съ мѣста на мѣсто переходя лжеученіе свое разсѣвають и сожженіе отъ времени до времени усугублять крайне не унимаются. И ежели комиссія учреждена и уполномочена будетъ, то оная, ктобъ къ тому слѣдствію по раскольническимъ дѣламъ ни вознадобился, могла сама собою ихъ сыскивать въ скоромъ времени безъ упущенія и разглашенія, такъ чтобъ они раскольническіе льстецы и свѣдать о себѣ, а потомъ куда либо скрыться не могли. А если такого учрежденія опредѣлено не будетъ, то за вышеписанными обстоятельствы и разнообразными препятствіи никакимъ образомъ искоренить и въ противныхъ церкви святой и государственнымъ правамъ дѣйствахъ совершенно извѣдать и изыскать отнюдь неудобно, развѣ что одинъ только можетъ въ такихъ слѣдствіяхъ произойти трудъ безъ всякаго благополезнаго для церкви Христовы пріобрѣтенія“.

Святѣйшій Синодъ ничего не отвѣчалъ на это представленіе митрополита. Тѣмъ не менѣе слѣдственная комиссія продолжала трудиться по данной инструкціи.

Впрочемъ составъ комисіи былъ довольно неудаченъ: одни

изъ членовъ были глубоко преданы интересамъ церкви и готовы были преслѣдовать раскольниковъ до самоотверженія, другіе напротивъ имѣли расчетъ покровительствовать расколу. Начались, вслѣдствіе этого, между членами прерѣканія, интриги, доносы другъ на друга и митрополиту стоило немалого труда и времени установить порядокъ, сколько нибудь сносный въ самой комиссіи.

Усердиѣ всѣхъ въ комиссіи хлопоталъ билимбаевскій десятильникъ священникъ Семенъ Алексѣевъ, добивавшійся председательства и „вольности“. „14 января 1761 г. священникъ Алексѣевъ отъ себя лично и секретно донесъ митроп. Павлу, что онъ, Алексѣевъ, чрезъ нѣкоторыхъ обывателей Екатеринбурга узналъ, что въ Екатеринбургѣ, въ приходѣ священ. Георгія Кочнева (братъ протоіерея) есть многіе незаписные раскольники, о чемъ и объявилъ для изслѣдованія о нихъ его протоіерейству Ѳеодору Кочневу и прапорщ. Кокшарову, съ приложеніемъ списка открытыхъ раскольниковъ. Прапорщикъ Кокшаровъ на заявленіи Алексѣева положилъ помѣту, чтобы въ силу данной отъ вашего преосвященства инструкціи, по пятому пункту изслѣдовать. Но его протоіерейство о. протопопъ Ѳедоръ Кочневъ, невѣдомо чего ради, учинился тому не согласенъ, и не подписалъ и вольности намъ въ томъ не далъ. А весьма бы должно для пресѣченія такового ихъ самовольства учинить разборъ, и произвести въ силу святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правилъ, правъ государственныхъ и высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ справедливое слѣдствіе“.

Представленіе о. Алексѣева не осталось безъ непріятныхъ для протоіерея Кочнева послѣдствій. Тобольская консисторія 6-го марта 1761 года послала на имя комиссіи, кромѣ протоіерея Кочнева указъ, коимъ повелѣвалось: о вновь открытыхъ раскольникахъ произвести строгое и неотложное слѣдствіе, въ которомъ Ѳедоръ Кочневъ участвовать не долженъ, хотя отъ участія въ дѣлахъ о другихъ раскольникахъ не устранился.

Но о. Алексѣевъ по отношенію къ протоіерею Кочневу добивался большаго и на этомъ не успокоился. 21 марта онъ, въ союзѣ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ, снова рапортовалъ митрополиту, что „солдатъ сибирскаго баталіона Ѳедоръ Свининниковъ, уроженецъ екатеринбургскій и состоящій на службѣ въ г. Екатерин-

бургъ, знаетъ многихъ раскольниковъ и укрывателей раскольниковъ, поповъ и лжеучителей, но объявить по именамъ боится господъ командировъ, протоіерея Ѳедора Кочнева и брата его священника Георгія Кочнева, покровительствующихъ раскольникамъ“.

Провѣдавъ объ этомъ доносѣ, протоіерей Кочневъ поспѣшилъ было послать митрополиту свое объясненіе, въ коемъ не отвергалъ, что въ Екатеринбургѣ въ приходѣ брата его священника Георгія Кочнева есть раскольники, поженившіеся безъ вѣнчанія въ православной церкви и не крестившіе по православному своихъ дѣтей; не отвергалъ и того, что не согласился по предложенію священника Алексѣева начать объ этихъ раскольникахъ слѣдствіе; но говорилъ, что эти раскольники давно уже извѣстны духовному правленію и правленіе еще раньше начало объ нихъ производить слѣдствіе. Священнику Алексѣеву самому объ этомъ хорошо извѣстно, но онъ представилъ преосвященному дѣло въ извращенномъ видѣ „несправедливо, желая его протопопа и священника Георгія Кочнева ввести въ подозрѣніе. Въ подтвержденіе своихъ словъ протоіерей Кочневъ приложилъ къ объясненію самое производство о раскольникахъ, начатое въ духовномъ правленіи, и просилъ преосвященнаго подтвердить священнику Алексѣеву, чтобы „отъ порядочныхъ поступковъ и напрасныхъ затѣй удержался, и поступалъ бы какъ священническая совѣсть требуетъ“.

Однако митрополитъ Павелъ склонился довѣріемъ въ сторону священника Алексѣева и протоіерея Кочнева отъ участія въ комисіи совсѣмъ устранилъ.

Но о. Алексѣеву и этого казалось мало; ему захотѣлось протоіерея выжить изъ самаго Екатеринбурга, можетъ быть съ тайнымъ желаніемъ занять его мѣсто въ екатеринбургскомъ соборѣ. 25 мая 1761 года онъ съ Кокшаровымъ сочинили на о. Кочнева новый доносъ митрополиту. „Слѣдствіе о раскольникахъ, писали они теперь, по силѣ высочайшихъ указовъ и данной намъ инструкціи производиться начато, точію протоіерей Ѳедоръ Кочневъ завиствуя тому и злобствуя, что отъ той слѣдственной комисіи указами вашего преосвященства по нашему донесенію отрѣшенъ, а паче по давно бывшему его въ Екатеринбургѣ пребыванію и по ближнему съ господами главнокомандующими свойству, особливо

Но Новотроицкий отвѣтъ еще деловъ не отдался. Онъ былъ

же за лакомство отъ раскольниковъ, которые отъ слѣдствія нынѣшняго укрываются, а къ нему повсегда приходять и проискывая, дабы чрезъ просьбу его протопопа въ томъ о раскольникахъ слѣдствіи было запущеніе,—чинить надъ нижайшими (т. е. надъ доносителями) нестерпимыя обиды и напрасныя нарѣканія, а раскольникамъ изъ лакомства понаровку; гдѣбъ при такихъ обстоятельствахъ надлежало въ случаяхъ намъ придать руку помощи, а не обносить, и господъ главнокомандующихъ въ отдачѣ раскольниковъ, и въ поимкѣ ихъ и въ пресѣченіи раскольнической прелести убѣждать, но онъ какъ по частому быванію у нихъ въ домахъ, такъ и въ компаніяхъ съ ними, ни о чемъ другомъ болѣе не говорилъ, какъ о нынѣ происходящей о раскольникахъ комисіи и въ разговорахъ всегда приводитъ господъ присутствующихъ въ великія азартныя смущенія“... „Почему, сего мая 27 дня, будучи у зятя своего священника Михаила Флоровскаго, онъ протопопъ и господа Арцыбашевъ, Софоновъ и проч., въ компаніи подгулявъ, и не въ благообразномъ лицѣ пріѣхавъ въ домъ господъ баронъ Строгановыхъ, гдѣ квартиру имѣеть изъ насъ священникъ Алексѣевъ, для ругательства и шуму, поносилъ комисію непристойными и скверными словами и называлъ ее пустой, якобы не по указу учрежена, и вмѣнялъ въ великую противность и въ непростительный грѣхъ, а священника Алексѣева называлъ блудникомъ и прочими непристойными словами; говоря, что де во время обыску по доносу тюменскаго жителя Рѣшетникова для поимки раскольническаго попа Петра Иванова ѣздили и наряжались іеромонахъ Евфимій (новый членъ комисіи) въ епанчу, а священникъ Алексѣевъ въ платьѣ солдатское, что будто Шартакской деревни раскольники скоплялись и караулили насъ на пути въ тѣсномъ лѣсномъ мѣстѣ и хотѣли учинить смертное убійство“.

„И по такому возмущенію, ежели реченный протопопъ Кочневъ изъ здѣшняго мѣста въ другое отмѣненъ не будетъ, то хотя и другіе слѣдователи опредѣлены будутъ, никакого добпорядочнаго производства, по проискавъ его, быть не уповаемо, кромѣ того, что развѣ такими же мѣрами, закрывая себя, перестанемъ заниматься ловленіемъ раскольниковъ“.

Въ заключеніе сей жалобы Алексѣевъ и Кокшаровъ взываютъ:

„Помилуй насъ, владыко святыи, отъ такихъ злонаправныхъ поношеній и сильныхъ лицъ оборони и благослови насъ Алексѣева съ товарищами перевести изъ Екатеринбургга, куды самъ преосвященство соблаговолилъ, по невозможному съ нимъ протопопомъ бытію, въ другое мѣсто, и отъ такихъ злобствующихъ нападеній кровомъ благодати вашего преосвященства защити“.

Не видно, однако, изъ дѣла, чтобы протоіерей Кочневъ по этой жалобѣ былъ подвергнутъ новому наказанію. По крайней мѣрѣ онъ пережилъ въ Екатеринбургѣ трехлѣтнее существованіе комисіи, не будучи отрѣшенъ отъ собора.

Болѣе печальная участь ожидала, по интригамъ священника Алексѣева, другаго члена комисіи, екатеринбургскаго священника Аѳанасія Воинственнаго, предсѣдательствовавшаго послѣ протоіеря Кочнева. 21 марта 1761 года о. Алексѣевъ счелъ долгомъ послать лично отъ себя секретно митрополиту извѣстіе о томъ, что священникъ Воинственный распечаталъ полученный отъ преосвященнаго указъ о производствѣ слѣдствія о екатеринбургскихъ раскольникахъ одинъ, безъ общаго собранія, и далъ объ этомъ знать раскольникамъ, почему многіе изъ раскольниковъ укрылись и разбѣжались. На другой день онъ уже вмѣстѣ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ отправилъ къ митрополиту форменный рапортъ, въ которомъ писалъ: „Въ Екатеринбургѣ раскольниковъ множество, но ихъ повѣренныя пригашники заводовъ не выдаютъ и назначенный къ слѣдствію священникъ Аѳанасій Воинственный по его въ Екатеринбургѣ довольному пребыванію, какъ видно, тѣмъ раскольникамъ чинитъ понаровку и укрывательство. На его мѣсто о опредѣленіи къ намъ въ товарищи Уткинской пристани священника Илью Веснина просимъ отъ вашего преосвященства разсмотрѣнія“.

Первымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ этого доноса было устраненіе отъ слѣдственныхъ дѣлъ священника Воинственнаго, на мѣсто котораго, однако, къ досадѣ о. Алексѣева, былъ посланъ не священникъ Веснинъ, такъ какъ онъ не былъ хорошо извѣстенъ митрополиту, а іеромонахъ тобольскаго Знаменскаго монастыря Евфимій, занявшій въ комисіи предсѣдательскій стулъ.

Но Воинственный этимъ еще далеко не отдѣлался. Онъ былъ

потребованъ къ отвѣту въ Tobольскъ, гдѣ представилъ митрополиту Павлу лично объясненіе такого рода: 1) Въ силу присланнаго изъ Tobольской духовной консисторіи отъ 6 марта 1761 г. указа мнѣ велѣно быть при слѣдствіи о раскольникахъ со священникомъ Алексѣевымъ и прапорщикомъ Кокшаровымъ и я нѣкоторое время былъ; но видя, что священникъ Алексѣевъ и прапорщикъ Кокшаровъ не въ силу правъ государственныхъ, духовнаго регламента и ея императорскаго величества указовъ возымѣлъ чинить производство, понеже безъ всякаго отъ командъ требованія и доносу хватали раскольниковъ на базарѣ въ гостиномъ дворѣ изъ лавокъ, я и пересталъ ходить въ комиссію, опасаясь, чтобы не подпасть отъ вашего преосвященства за неправильное и государственнымъ правамъ противное слѣдствіе въ какой либо штрафъ. 2) А хотя я нижайшій означенному священнику и прапорщику Кокшарову о семъ и предлагалъ неоднократно, но отъ того они не переставали; къ тому же пойманныхъ раскольниковъ отпускали безъ моего совѣту и согласія. 3) Запрещенія и понаровки раскольникамъ я, нижайшій, никакой и никогда не чинилъ, да и чинить мнѣ нечего, потому что означенные раскольники насъ ни къ какимъ требамъ, т. е. какъ молитвить, крестить, браки вѣнчать и мертвыхъ погребать не призываютъ, и того ради есть неудобство знать неправильныя чрезъ лжеучителей ихъ дѣйствія.

Дѣло было передано въ консисторію, которая, призвавъ о. Воинственнаго въ свое присутствіе, предложила ему слѣдующихъ два вопроса: 1) Почему ты въ своемъ объясненіи назвалъ производство слѣдствія о раскольникахъ неправильнымъ и государственнымъ правамъ противнымъ? 2) Почему отъ слѣдствія отсталъ самовольно, не испросивъ увольненія его преосвященства? Совѣмъ сбитый съ толку и растерявшійся о. Воинственный сослался на свою простоту и невѣдѣніе и во всемъ принесъ повинную. Тогда митроп. Павелъ положилъ (5 янв. 1762 г.) резолюцію: „Слово, произнесенное въ заирательствѣ свидѣтелями доказанное, правильное приѣмлетъ мздовоздаяніе. Ежели отъ поспѣшнаго довода отпереться не могъ, а за козніи дѣла (о. Воинственный былъ до сихъ поръ членомъ екатеринбургскаго духовнаго правленія) правящій прежде единъ, а потомъ и въ товарищахъ съ другими, простотою своею

выправиться хотѣлъ, чему вѣрить и за праведное почестъ весьма здравому уму невозможно: того ради хитреца законно спросить, и подтверже, до испытанія истины и въ желѣза заковать безъисходно“. 12 января 1762 года о. Воинственный былъ препровожденъ въ оковахъ въ Тобольскій Знаменскій монастырь съ тѣмъ, чтобы здѣсь находился въ приличныхъ монастырскихъ трудахъ впредь до усмотрѣнія. Испытаніе продолжалось почти пять мѣсяцевъ.

30 апрѣля консисторія представила преосвященному свое мнѣніе о томъ, что священника Воинственного можно оштрафовать 10 руб. и возвратитъ въ Екатеринбургъ къ Богоявленской церкви, не устраниая и отъ дѣлъ духовнаго правленія. Но митрополитъ Павелъ 2 іюня въ резолюціи написалъ: „Довольно и прѣизлишне (Павелъ малорось, сохранившій малороссійскій выговоръ) довольно ежели въ тотъ же приходъ, не переводя въ другой для сожалѣнія семейства и имѣнія двора своего, чего и болѣе достоинъ, яко защититель раскольниковъ; для священнослуженія и исправленія мірскихъ требъ отпустить, съ подпискою подь лишеніемъ священства, ежели впредь о защищеніи .. раскольниковъ доносъ будетъ и обличится, какъ и по сему дѣлу обличилъ себя“.

Только въ іюлѣ 1762 года бѣдный священникъ Воинственный избавился отъ оковъ, которыя надѣлъ на него своими клеветами собрать священникъ Алексѣевъ, и возвратился къ мѣсту прежняго служенія и въ свою семью.

Не оставилъ священникъ Алексѣевъ безъ своихъ интригъ и новаго предѣдателя комисіи, присланнаго изъ Тобольска, іеромонаха Евфимія. 3 іюня 1761 года священникъ Алексѣевъ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ доносили преосвященному Павлу на іеромонаха Евфимія слѣдующее: „При указѣ изъ тобольской духовной вашего преосвященства консисторіи присланъ Знаменскаго монастыря іеромонахъ Евфимій, съ которымъ велѣно произвестъ о раскольническихъ дѣйствахъ слѣдствіе, который сначала съ нами единодушно наступалъ на раскольниковъ, яко воинъ крѣпкій Христа Бога нашего; но какъ разнопривозный свой товаръ китайскій онъ іеромонахъ Евфимій раскольнику Сергѣю Ряхину въ лавку для продажи отдалъ, тогда обольстясь отъ нихъ и учиня таковыя съ ними кондиціи, началъ чинить въ дѣлахъ великія

отмѣны и раскольнической сторонѣ пользу; а оной Ряхинъ во отдачѣ дочери своей за раскольника же обстоитъ въ комиссію для допроса весьма потребенъ, но по защищенію и дружеству его преподобіе Евфимій вольности намъ не даетъ.

Къ тому жъ и Верхнеевропейской конторы прикащики сообщася съ нимъ повсегдашними другъ къ другу гулянками въ компаніяхъ, убѣждая его іеромонаха обѣщаніемъ чрезъ господина своего графа (Воронцова) исходатайствовать, гдѣ онъ быть пожелаетъ, архимандритомъ или епископомъ отъ Святѣйшаго Синода испросить могутъ, чѣмъ наиболѣе обольстася при случаяхъ въ текущихъ дѣлахъ намъ нисколько помощи не оказываетъ, и тѣмъ явно намъ низайшимъ чинить прекословіе и немалую обиду“.

Первый доносъ на о. Евфимія не подѣйствовалъ, такъ какъ о. Евфимій былъ лично извѣстенъ митрополиту и пользовался отъ него большимъ довѣріемъ и благоволеніемъ. Тогда Алексѣевъ съ Кокшаровымъ рѣшились еще испробовать силу своихъ интригъ. При рапортѣ отъ 31 августа 1761 года они представили митрополиту Павлу поданное въ комиссію отъ доказательства тюменскаго разночинца Ивана Рѣшетникова заявленіе, въ коемъ, между прочимъ, было написано: „А нынѣ я, Рѣшетниковъ, имѣю сверхъ того показать въ Староневьянскомъ Демидовскомъ заводѣ раскольниковъ, неправильно-жъ бракоженившихся, и о вновь рожденныхъ ихъ дѣтяхъ, крещенныхъ въ лѣсныхъ мѣстахъ раскольническими попами. И когда въ тотъ заводъ прибудемъ, то по именамъ показать имѣю. А нынѣ не показываю затѣмъ, чтобъ чрезъ кого либо тѣ раскольники увѣдать и куда разбѣжаться не могли. А особливо имѣю сумнѣніе и недовѣрку изъ присутствующихъ въ комиссіи на іеромонаха Евфимія, потому что, когда онъ по доказательству моему въ ту Шартанскую деревню прежде всѣхъ заѣхалъ съ посланными отъ канцеляріи главнаго правленія заводовъ солдатами, до прибытія еще священника Алексѣева и прапорщика Кокшарова, то имѣлъ со старостою Иваномъ Грязнымъ шептаніе знатно, чтобъ раскольническіе учителя и прочіе раскольники, собравшіеся во множествѣ съ великими дубинами, не выдавали лжеучителей“.

Но и этотъ доносъ былъ оставленъ митрополитомъ безъ

послѣдствій. Священнику Алексѣеву пришлось на время смириться, пока Евфимій самъ добровольно изъ за непріятностей не вышелъ изъ комисіи.

Первою заботою комисіи было собрать о раскольникахъ екатеринбургскаго вѣдомства всевозможныя свѣдѣнія, напримѣръ, о томъ: сколько между ними записныхъ и незаписныхъ, крестятъ ли они своихъ дѣтей въ православной церкви, не живутъ ли сводными браками и т. п. Извѣстный уже намъ членъ комисіи священникъ Симеонъ Алексѣевъ былъ въ этомъ случаѣ самымъ находчивымъ и комисіа могла бы гордиться имъ, если бы находчивость его оставалась въ предѣлахъ благоразумія и осторожности.

Всюду отыскивая раскольниковъ, священникъ Алексѣевъ спрашивалъ объ нихъ у правовѣрныхъ обывателей и солдатъ, состоящихъ на службѣ въ разныхъ командахъ и часто бывающихъ въ командировкахъ по заводамъ и въ деревняхъ, ходилъ подслушивать разговоры на базаръ, нарочно заходилъ въ лавки и выпытывалъ объ этомъ всякаго встрѣчнаго. Этимъ способомъ онъ еще въ январѣ 1761 года узналъ и доложилъ комисіи, что въ самомъ Екатеринбургѣ въ Духосошественскомъ приходѣ, гдѣ священникомъ состоитъ братъ предсѣдателя комисіи, протоіерея Кочнева Георгій Кочневъ, раскольники есть многіе, которые поженились на раскольническихъ дѣвкахъ, а гдѣ вѣнчаны, заподлинно неизвѣстно, только слухъ носится, что вѣнчаны потаенными раскольническими попами; у многихъ изъ этихъ раскольниковъ, притомъ, есть дѣти, о крещеніи которыхъ тоже ничего неизвѣстно.

Весьма важную роль въ дѣлѣ открытія раскольниковъ и расколоучителей играли въ комисіи и такъ называемые доказатели, которыми комисіа позаботилась обзавестись на первыхъ же порахъ и съ которыми не разставалась до конца своего существованія. Это были правовѣрные, иногда изъ только что обращенныхъ изъ раскола мужики и солдаты, служившіе комисіи больше изъ житейскихъ расчетовъ, чѣмъ изъ усердія къ церкви. Таковъ былъ тюменскій разночинецъ Иванъ Рѣшетниковъ, проживавшій до этого времени въ дер. Шартанской у раскольниковъ въ батракахъ. Въ мартѣ 1761 года онъ явился въ комисію и объявилъ, что шартанскіе раскольники содержатъ у себя въ домахъ

потаенныхъ расколуучителей и поповъ, изъ коихъ однако, именемъ Петра Иванова, онъ Рѣшетниковъ недавно лично видѣлъ и проводилъ къ живущему въ лѣсу на однодворкѣ крестьянину Павлу Шапошникову. Вскорѣ затѣмъ Рѣшетниковъ представилъ въ комисію именной списокъ всѣхъ раскольниковъ дер. Шартанской, неправильно поженившихся, и ихъ дѣтей молитвенныхъ и крещенныхъ по лѣсамъ раскольническими попами. Въ августѣ 1761 года, наконецъ, Рѣшетниковъ объявилъ комисіи, что онъ имѣеть сверхъ того указать на раскольниковъ и въ Староневьянскомъ Демидовскомъ заводѣ, но пока комисія не отправится на заводъ съ нимъ вмѣстѣ, онъ не можетъ назвать ихъ по именамъ, чтобы кто либо не предупредилъ ихъ и не далъ бы, такимъ образомъ, возможности имъ разбѣжаться.

Въ одно почти время съ Рѣшетниковымъ предложилъ комисіи свои услуги солдатъ сибирскаго баталіона Ѳедоръ Свининниковъ, который заявилъ комисіи, что онъ уроженецъ дер. Шартанской, въ которой жилъ съ дѣтства до самаго поступленія въ солдаты, а нынѣ находится на рудникѣ, по близости къ родинѣ, и по часту бываетъ у своихъ родственниковъ, живетъ у нихъ долговременно и родственники его раскольники ни въ чемъ отъ него опасности не имѣютъ; между тѣмъ у нихъ проживаютъ лжеучители и раскольническіе попы, которые служатъ у нихъ по старопечатнымъ книгамъ и исправляютъ всякія требы и къ поимкѣ которыхъ онъ Свининниковъ можетъ содѣйствовать. Причемъ Свининниковъ просилъ комисію довести объ этомъ до свѣдѣнія митрополита Павла и чрезъ него выхлопотать ему отъ Сибирской губернской канцеляріи освобожденіе отъ службы. Тогда, прибавилъ Свининниковъ, я не точію о потаенныхъ и неправильныхъ тридцати бракахъ, но и о старцахъ, и о старицахъ и о живыхъ раскольническихъ попахъ имѣю объявить комисіи точно; и поймать, и привести ихъ, и лицомъ представить могу, также и служебную ихъ, вмѣсто церкви, часовню предъявить имѣю. Для священника Алексѣева это былъ дорогой человекъ и онъ просилъ митрополита Павла снести съ губернской канцеляріей о переводѣ Свининникова изъ подъ команды подпоручика Толстомордова въ команду прапорщика Кокшарова; не разъ повторялъ свою просьбу и жаловался

на Толстомордова, что онъ по многимъ требованіямъ не присылаетъ въ комиссію Свининникова для указанія раскольниковъ; въ концѣ всего Свининниковъ былъ отданъ въ распоряженіе комиссіи.

Въ одну поѣздку членовъ комиссіи по деревнямъ за отысканіемъ раскольниковъ былъ, между прочимъ, взятъ вышепомянутый раскольникъ Павелъ Шапошниковъ. Онъ долго оставался упорнымъ, сидѣлъ при комиссіи въ кандалахъ и не разъ былъ побитъ плетью; наконецъ рѣшился бросить расколъ и пожелалъ быть при комиссіи доказателемъ на своихъ сосѣдей. Черезъ него комиссіи, между прочимъ, удалось узнать, что въ разныхъ деревняхъ есть тринадцать младенцевъ молитвенныхъ и крещеныхъ, двадцать четыре человѣка свѣдѣвшихъ и двадцать пять человѣкъ исповѣдавшихся на Кузиной горѣ у расколическихъ поповъ Василья, Іоанна, Симеона, Луки и Петра Иванова.

При помощи доказателей и другими путями комиссія открывала всюду множество раскольниковъ. Оставалось только ловить ихъ и приводить въ православіе. И комиссія ловила, насколько позволяли ей собственныя силы, такъ какъ помощи отъ гражданскихъ властей не оказывалось.

Руководимые доказательствами священникъ Алексѣевъ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ нерѣдко занимались ловленіемъ раскольниковъ въ Екатеринбургѣ на базарѣ въ праздничные дни, но больше всего съ этою цѣлью разъѣзжали по деревнямъ. Членъ комиссіи священникъ Аѳанасій Воинственный 9 августа 1761 года писалъ митрополиту Павлу, что онъ потому и пересталъ принимать участіе въ дѣлахъ комиссіи, что священникъ Алексѣевъ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ, не въ силу регламента и указовъ, возмѣнили чинить производство: безъ всякаго отъ командъ требованія и доносу хватаютъ раскольниковъ на базарѣ и въ гостиномъ дворѣ изъ лавокъ. Въ одну поѣздку съ доказателемъ солдатомъ Свининниковымъ было взято нѣсколько человѣкъ раскольниковъ изъ деревень Становской, Сарapulьской и Шартанской. Разъ предпринята была поѣздка съ доказателемъ Шапошниковымъ, въ которой участвовали іеромонахъ Евфимій, священникъ Алексѣевъ, прапорщикъ Кокшаровъ, письмоводитель комиссіи копистъ Михневскій и нѣсколько солдатъ; причѣмъ священникъ

Алексѣевъ, чтобы не быть узаннымъ отъ раскольниковъ наряжался въ офицерскій кафтанъ съ камзоломъ и шпагою, подобравъ и завязавъ свои волосы въ пукли. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Тобольская консисторія спрашивала священника Алексѣева: почему онъ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ и командой солдатъ ѣздили за раскольниками въ деревню Шартанскую, имѣя съ собой множество ножныхъ желѣзъ.

При всѣхъ предосторожностяхъ, въ родѣ завиванія длинныхъ волосъ въ пукли, поѣздки бывали не всегда удачны: раскольники къмъ либо предупреждались и разбѣгались, а иногда давали и отпоръ. 2 іюня 1761 года коммисія доносила митрополиту, между прочимъ, слѣдующее: „сего іюня 1 дня, въ вечеру, мы принуждены были слѣдовать съ командою въ деревню Шартанскую для обыска и поимки расколоучителей и раскольниковъ. Когда прибыли въ деревню, то раскольники, собравшись скопомъ во множествѣ, болѣе 200 человекъ, въ томъ числѣ и тѣ, которые были потребны коммисіи для допросовъ, устремились на насъ съ дубинами, кольемъ и копіями, не пустили насъ для обысковъ въ тѣ дома, гдѣ скрывались лжеучители и съ великимъ крикомъ и ругательствами нападали на насъ, намѣреваясь избить, и мы отъ ихъ злодѣйства и наглого нападенія едва съ командой обратно уѣхали“.

Въ виду такихъ приключеній коммисія очень жалѣла о томъ, что у ней собственныя силы недостаточны, а свѣтетія власти совсѣмъ не помогаютъ, и не разъ просила митрополита о прибавкѣ команды изъ тобольскихъ солдатъ. „А команды при здѣшней коммисіи сибирскаго баталіона солдатъ только два человекъ“, писала она митрополиту Павлу 29 мая, „а на здѣшнихъ екатеринбургскихъ солдатъ въ поимкѣ и въ содержаніи подѣ карауломъ раскольниковъ обнадѣжиться никакъ невозможно; изъ подѣ караула этихъ солдатъ убѣжало уже раскольниковъ три человекъ. Того ради просимъ ваше преосвященство сообщить въ Сибирскую губернскую канцелярію о присылкѣ въ здѣшнюю коммисію сибирскаго гарнизона надежныхъ солдатъ человекъ до десяти“. Но присылки новыхъ солдатъ изъ Тобольска не было.

Тѣмъ не менѣ коммисія занималась розысками и забираиеніемъ раскольниковъ не безъ успѣха. При самомъ еще началѣ слѣдствія,

въ мартѣ 1761 года, она могла похвалиться предъ митрополитомъ, что ею уже поймано раскольниковъ до десяти человекъ, которые и содержатся въ особомъ мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Забранные въ комиссію раскольники томились продолжительное время скованные по рукамъ и по ногамъ, или въ ножныхъ колодахъ, допрашивались съ „пристрастіемъ“ т. е. съ пытками, въ родѣ наказанія кнутомъ. Такъ, въ одну поѣздку въ деревню Становскую были взяты „безъ всякой винности“, скованы и оставались въ этомъ положеніи крестьянинъ Петръ Свининниковъ и 13-лѣтній сынъ деревенскаго старосты Ивана Грязнаго Никифоръ. Раскольникъ Павелъ Шапошниковъ, обратившійся въ православіе и сдѣлавшійся послѣ доказателемъ, до своего обращенія былъ неоднократно битъ плетью. Крестьянина Романа Комягина жена Анна Иванова, съ апрѣля до ноября 1761 года содержавшаяся при комиссіи въ кандалахъ, подвергалась отъ писмоводителя комиссіи Александра Михневскаго наказанію плетью и палками до шести разъ. 19 ноября 1761 года Тобольская консисторія по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ о жестокомъ обращеніи комиссіи съ раскольниками, спрашивала главнаго виновника жестокостей священника Алексѣева, бывшаго по дѣламъ въ Тобольскѣ: „почему оны съ товарищами писали екатеринбургской судной земскихъ дѣлъ конторѣ, что будто бы дана имъ такая инструкція, чтобы раскольниковъ содержать скованными въ ручные и ножные кандалы подъ особымъ и неослабнымъ карауломъ, не объясняя подъ чьимъ онымъ судомъ состоятъ, чего вамъ отъ консисторіи никогда въ инструкціи повелѣваемо не было? Ты-жъ священникъ Алексѣевъ съ копистомъ Михневскимъ въ какіе именно времена и для чего одни по часту разъѣзжая около деревень Шартанской, Сарапульской и Становской и кого въ томъ разъѣздѣ можете поймать, бивъ увозили? При взятіи Павла Шапошникова для чего, 12-лѣтнюю дочь его Ксенью безжалостно бивъ плетью едва живую оставили?... Алексѣевъ, впрочемъ, отдѣлался отъ консисторіи личнымъ объясненіемъ митрополиту и возвратился въ Екатеринбургъ для дальнѣйшихъ подвиговъ въ этомъ родѣ. Изъ забранныхъ въ комиссію раскольниковъ тѣ, которые отказывались принять православіе, послѣ продолжительныхъ увѣ-

щаній и истязаній, отсылались, наконецъ, въ Тобольскъ, отстоящій отъ Екатеринбурга почти за 600 верстъ и здѣсь при консисторіи снова подвергались тѣмъ же пыткамъ. Такъ, 21 марта 1761 года коммисія писала митрополиту, что забранные въ коммисію раскольники десять человекъ на увѣщаніе наше ни мало не взираютъ, и отъ церкви святѣй отдираются, и упорствуютъ и обратиться не желаютъ. Митрополитъ повелѣлъ ихъ выслать въ Тобольскъ и они были отправлены.

Изъ Тобольска, какъ и изъ Екатеринбургской коммисіи, возвратиться на родину раскольнику можно было только подъ условіемъ обращенія, иначе не долженъ былъ и помышлять о возвращеніи. Въ декабрѣ 1760 года другими сыщиками священникомъ Іосифомъ Нагибинымъ и прапорщикомъ Полтыревымъ, командированными преосвященнымъ Павломъ, независимо отъ учрежденной коммисіи, въ Исецкій дистриктъ, въ числѣ многихъ другихъ раскольниковъ былъ взятъ и представленъ въ Тобольскъ крестьянинъ дер. Крутихи Абрамъ Бѣлородовъ съ сыномъ Ѳедоромъ. Отецъ и сынъ были упорные раскольники и не думали обращаться, а потому были оставлены при консисторіи на неопредѣленное время. Только послѣ годичнаго ихъ пребыванія въ Тобольскѣ Ѳедоръ Бѣлородовъ былъ мѣстнымъ обществомъ назначенъ къ отдачѣ въ только что учрежденные для охраненія сибирскихъ линій ландмозикіе полки. Сибирскій губернаторъ особымъ сообщеніемъ просилъ консисторію прислать Ѳедора Бѣлородова въ пріемную коммисію въ непродолжительномъ времени. Консисторія 22 декабря 1761 г. доложила митрополиту Павлу, что Ѳедоръ Бѣлородовъ хотя и остается упорнымъ раскольникомъ, но троихъ своихъ дѣтей крестилъ въ православной церкви, и потому можетъ быть отосланъ въ пріемную коммисію, какъ болѣе уже ненужный консисторіи. Но митрополитъ Павелъ этого не хотѣлъ; онъ приказалъ консисторіи спросить Сибирскую губернскую канцелярію: могутъ ли быть записные раскольники опредѣляемы въ какую либо службу; если могутъ, то въ какую именно, и на основаніи какихъ указовъ и приводятся ли при этомъ къ присягѣ? Губернская канцелярія отвѣчала, что консисторія должна объ этомъ знать сама изъ опубликованныхъ печатныхъ указовъ о раскольникахъ и рекрут-

сихъ наборахъ и повторила требованіе о Ѳедорѣ Бѣлобородовѣ. Знала, или нѣтъ это консисторія, однако она продержала Бѣлобородова еще нѣсколько мѣсяцевъ, до конца іюня 1762 года, пока Сибирскій губернаторъ не обратился съ новымъ и рѣшительнымъ требованіемъ отъ 25 іюня 1762 года. Но и теперь было выполнено требованіе губернатора съ такого рода оговоркой митрополита Павла. „Раскольника Ѳедора Бѣлобородова до воспослѣдовавшей на учиненное отъ меня представленіе указной отъ Святѣйшаго Синода резолюціи хотя изъ содержанія подѣ карауломъ еще освободить и не слѣдовало-бъ, но по неоднократному его превосходительства тайнаго совѣтника и Сибирскаго губернатора господина Соймонова требованію, впредь до указа, освободя изъ подѣ караула отослать къ его превосходительству“.

Такъ было трудно раскольникамъ выбраться изъ Тобольска, и въ 1761 году ихъ при консисторіи оставалось въ оковахъ и тяжкихъ работахъ десятки, почти сотни.

Поэтому, при первомъ появленіи членовъ Екатеринбургской комиссіи съ командой и запасными кандалами, естественно, раскольники скрывались кто гдѣ могъ, иногда оставляли свои дома совсѣмъ, собирались по лѣсамъ и стали думать объ испытанномъ уже средствѣ спасенія—самосожигательствѣ. Въ іюнѣ 1761 года графъ Воронцовъ, по заводамъ и деревнямъ котораго Екатеринбургская комиссія больше всего розыскивала и ловила раскольниковъ, жаловался Святѣйшему Синоду, что отъ находящихся въ гор. Екатеринбургѣ слѣдователей іеромонаха Евфимія, священника Алексѣева и прапорщика Кокшарова заводскимъ и сельскимъ крестьянамъ не стало житья, что изъ нихъ до 600 человекъ разбѣжалось съ заводовъ по лѣсамъ и до 300—въ Польшу.

Не замедлили обнаружиться и попытки къ самосожженію и самые самосожженія раскольниковъ.

Въ декабрѣ 1761 г. стало извѣстно Тобольской консисторіи, что изъ разныхъ деревень исецкаго дистрикта скрылось до 150 чел. записныхъ и незаписныхъ раскольниковъ, которые собрались въ домѣ раскольника дер. Крутихи, ялutorовскаго дистрикта, Абрама Бѣлобородова и намѣрены сгорѣть. Они, конечно, и сгорѣли бы, но консисторія во время распорядилась командировать

для розогнанія ихъ священника Юсифа Нагибина съ прапорщикомъ Полтыревымъ и командой солдатъ. За то главные подстрекатели ихъ хозяинъ дома Абрамъ Вълбородовъ съ сыномъ Ѳедоромъ, Аванасій Бородинъ, Исакъ Долгихъ, Максимъ Кармакуличъ и Ѳедоръ Лавровъ были взяты въ Тобольскъ и тамъ томились при консисторіи пока въ 1762 году не вступилъ на царство Петръ III, который повелѣлъ освободить изъ остроговъ всѣхъ раскольниковъ. Въ февралѣ 1761 года Тюменское духовное правленіе кратко донесло Тобольской консисторіи, что жители деревень Ильиной и Саввиной въ числѣ 70 челов. (муж. 26 и жен. 44 съ дѣтьми) самовольно сгорѣли. Преосвященный Павелъ обратилъ вниманіе только на то, что духовное правленіе рапортовало не ему непосредственно, а въ консисторію, и оштрафовалъ за это членовъ правленія 5-ю рублями. Повидимому, на самоожженія власти смотрѣли уже какъ на явленіе обычное.

Въ февралѣ 1763 года въ Тюменскую воеводскую канцелярію были поданы о случившемся на 13 февраля въ дер. Кулаковой раскольническомъ самоожженіи три рапорта: отъ уличнаго десятника Михаила Попова, отъ жены разночинца Лысковой и отъ ямской конторы. Десятникъ Поповъ доносилъ, что на 13 число ночью въ дер. Кулаковой сгорѣлъ домъ ямщика Ивана Агапитова вмѣстѣ съ хозяиномъ и семействомъ, состоявшимъ изъ 5 муштинъ и 2 женщинъ; кромѣ того изъ обывателей не стало 4 человекъ, которые, вѣроятно, тоже сгорѣли въ домѣ Агапитова. Лыскова доносила, что на 13 число куда-то скрылся изъ дому свекоръ ея разночинецъ Петръ Ивановъ, — вѣроятно сгорѣлъ съ Агапитовымъ. Контора ямскихъ дѣлъ Тюменскаго яму доносила, что десятникъ дер. Кулаковой Косновъ на 13 число, часу въ 8 вечера, замѣтилъ, что горить домъ ямщика Ивана Агапитова и съ сосѣдями прибѣжалъ на пожаръ; потушить пожаръ было уже невозможно, но было замѣчено, что въ горницѣ, охваченной пламенемъ находится множество людей муштинъ и женщинъ, которые не стараются выскочить и все сгорѣли.

На мѣсто происшествія былъ посланъ изъ Тюменской канцеляріи тюменскій сынъ боярскій Семень Текутьевъ. По освидѣтельствованію труповъ оказалось: сгорѣвшихъ жителей дер. Кулаковой

17 челов. и неизвѣстныхъ мужскаго и женскаго пола съ младенцами 35 челов., всего, слѣдовательно, 52 человѣка; сверхъ того оказалось не мало отдѣльныхъ человѣческихъ костей отъ совершенно сгорѣвшихъ труповъ.

Святѣйшій Синодъ, Сенатъ и мѣстныя гражданскія власти давно уже пришли къ убѣжденію, что строгое преслѣдованіе раскольниковъ составляетъ одну изъ важныхъ причинъ самосожженій, Святѣйшій Синодъ циркулярнымъ указомъ на имя епархіальныхъ преосвященныхъ, отъ 20 ноября 1760 года, предписывалъ поступить въ отношеніи къ раскольникамъ со всею осторожностью, такъ какъ отъ преслѣдованія они сжигаются, въ 1757 году въ Архангельской губерніи сгорѣло 27 человѣкъ и въ 1760 году въ Новгородской—15 челов. Правительствующій Сенатъ указомъ, отъ 28 февраля 1762 года, предписывалъ губернскимъ канцеляріямъ развѣдывать о раскольническихъ сборищахъ для самосожженій и убѣждать раскольниковъ разойтись, увѣряя, что все сдѣла объ нихъ прекращаются. Сибирскія гражданскія и заводскія власти всякій отказъ преосвященному Павлу въ выдачѣ раскольниковъ основывали на склонности къ самосожженію ихъ. Но преосвященный Павелъ смотрѣлъ на самосожженія иначе. По поводу самосожженія 13 февраля 1763 года въ дер. Кулаковой онъ доносилъ Святѣйшему Синоду, что это случилось „не отъ притѣсненій и принудительнаго обращенія къ церкви, а отъ злоучителей, подстрекающихъ къ тому ради спасенія. Таковы изъ пойманныхъ въ Сибири старцы: Варлаамъ Сапоговъ и Самсонъ Дмитріевъ, изъ коихъ первый, прельщая простой народъ, носилъ перемѣнное платье, являясь въ народѣ то простымъ мужикомъ, то инокомъ, то женщиною и употреблялъ волшебство и чарованія. Поэтому митрополитъ Павелъ долго не думалъ прекращать начатое въ 1760 году съ учрежденіемъ комисіи преслѣдованіе раскольниковъ и постоянно велъ жаркую полемику съ заводскими и гражданскими властями, отказывавшими въ содѣйствіи екатеринбургск. комисіи.

Впрочемъ, преосвященный Павелъ, преслѣдуя раскольниковъ, стоялъ на законной почвѣ. Множество указовъ высочайшихъ и синодскихъ, изданныхъ за время съ Петра I до начала 60 годовъ и требующихъ строгаго преслѣдованія раскольниковъ, не были

еще отмѣнены, хотя время и ослабило ихъ силу. Таковы, напри-
мѣръ, указы: высочайшій отъ 5 мая 1722 г., коимъ повелѣвалось
раскольниковъ крестить обязательно въ православной
церкви и за уклоненіе раскольниковъ отъ такого крещенія нака-
зывать гражданскимъ судомъ; синодскіе: отъ 13 мая 1743 года,
коимъ повелѣвалось строго слѣдить, чтобы никто не совращался
въ расколъ и незаписывался въ раскольниковскія книги, въ про-
тивномъ случаѣ поступать съ виновными по всей строгости правилъ
святыхъ отецъ, регламента и прежнихъ указовъ; отъ 13 ноября
1756 года, коимъ давалось преосвященнымъ знать, что отъ сената
сдѣлано подтвержденіе свѣтскимъ властямъ, чтобы помогали духов-
нымъ властямъ въ розысканіи новыхъ раскольниковъ и расколо-
учителей, согласно высочайшему указу отъ 19 ноября 1721 года
и т. д. Преосвященный Павелъ былъ не больше, какъ только
ревностнымъ исполнителемъ повелѣній высшей власти.

Основываясь на приведенныхъ и многихъ другихъ прежнихъ
высочайшихъ, синодскихъ и сенатскихъ указахъ о раскольникахъ,
преосвященный Павелъ поспѣшилъ сообщить объ учрежденіи въ
Екатеринбургѣ слѣдственной о раскольникахъ комисіи всѣмъ
сибирскимъ властямъ, какъ-то: губернскимъ канцеляріямъ тоболь-
ской (сибирской) и оренбургской, канцеляріи главнаго правленія
сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ, екатеринбург-
ской судной и верхнеисецкой заводской конторамъ и не просилъ,
а требовалъ отъ всѣхъ содѣйствія комисіи. Но свѣтское началь-
ство съ самаго начала положило за правило не обращать на эти
требованія никакого вниманія. Дальнѣйшія требованія самаго
митрополита и комисіи и самовольное забираше въ комисію
раскольниковъ повело къ противодѣйствію и жалобамъ высшему
гражданскому начальству со стороны раскольниковъ и мѣстныхъ
властей. Въ свою очередь и невыполненіе законныхъ требованій
вызвало нѣсколько жалобъ Святѣйшему Синоду со стороны митро-
полита. Жалобы и противодѣйствіе начались снизу отъ самихъ
раскольниковъ и мѣстныхъ заводскихъ властей, особенно вѣдом-
ства графа Романа Ларионовича Воронцова. Какъ только комисія въ лицѣ своихъ членовъ священника
Алексѣева, прапорщика Кокшарова съ командой изъ 20 человекъ

разъ побывала въ приписанныхъ къ желѣзнымъ заводамъ сенатора графа Воронцова деревняхъ Шартанской, Становской и Сарapulьской и забрала нѣсколько человѣкъ, жители этихъ деревень раскольники тотчасъ же выбрали изъ среды своей крестьянина Ивана Косова и отправили въ Петербургъ къ графу Воронцову съ жалобой на притѣсненія со стороны духовныхъ властей. Графъ принялъ выборнаго очень ласково, обѣщаль защиту и покровительство, а между тѣмъ приказаль Косову изложить подробно и подать жалобу лично въ учрежденную при Сенатѣ контору по раскольническимъ дѣламъ. Косовъ исполнилъ приказаніе графа въ точности, сообщилъ обо всемъ своимъ сосѣдямъ и вскорѣ самъ воротился; раскольники ободрились, стали сами отбиваться отъ нападеній комисіи. Мы уже видѣли какъ Шартанскіе раскольники 2 іюня 1761 года протнали изъ своей деревни комисію дубинами; это было вскорѣ по возвращеніи Косова изъ Петербурга.

Но еще до возвращенія Косова, въ маѣ мѣсяцѣ Верхнеисецкая заводская контора получила отъ графа Воронцова приказаніе просить тобольскаго митрополита: „буде о умедленіи слѣдствія милость сотворить невозможно, то по крайней мѣрѣ повелѣть опредѣленныхъ по нынѣ слѣдователей всѣхъ перемѣнить и опредѣлить добрыхъ учителей церковныхъ, знающихъ лучше истинный путь обращать объ погибели раскольнической прелести человѣческихъ душъ ко спасенію, а не лишать онаго побѣгомъ, какъ чинять нынѣшніе слѣдователи“. Верхнеисецкая контора 29 мая представляла объ этомъ митрополиту Павлу, но ни отвѣта, ни перемѣны слѣдователей не послѣдовало; комисія продолжала трудиться въ принятомъ направленіи.

Не разъ пробовала просить митрополита Павла о перемѣнѣ слѣдователей и особенно священника Алексѣева и прапорщика Кокшарова и канцелярія главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ, выставляя на видъ, что отъ преслѣдованія раскольники разбѣжались, заводскія работы стали, и казна и графъ Воронцовъ терпятъ отъ этого большія убытки; но и эти просьбы оставались безъ удовлетворенія. Митрополитъ на такого рода просьбы отвѣчалъ иногда такъ: „За силу духовнаго регламента и состоявшихся ся императорскаго величества

указовъ, по требованію Екатеринбургской комисіи раскольники обоюго пола должны быть отдаваемы безъ всякаго препятствія и промедленія, не отговариваясь, что будто чрезъ это можетъ послѣдовать остановка въ заводскихъ работахъ, а паче уважая, чтобы въ заблужденіи раскольническія прелести чловѣческія души не погибали“; или: „убытокъ души, больше всѣхъ убытковъ“; или: „судныхъ и земскихъ дѣлъ контора (екатеринбургская) не въ свое дѣло вступается и о томъ нечего разсуждать“. Мало того, митрополитъ 5 іюля просилъ Святѣйшій Синодъ о томъ, чтобы онъ снесся съ Сенатомъ о побужденіи канцеляріи главнаго правленія заводовъ выдать раскольниковъ екатеринбургской комисіи безъ всякихъ отговорокъ.

Послѣ этого канцеляріи главнаго правленія заводовъ и прочимъ заводскимъ властямъ оставалось жаловаться графу Воронцову и ожидать распоряженій свѣше, а до того времени самимъ защищать раскольниковъ, насколько это представляется возможнымъ. Власти такъ и поступали: обо всемъ доводили до свѣдѣнія графа Воронцова, не удовлетворяли никакія требованія комисіи, предоставляя ей въ свою очередь жаловаться куда знаетъ, и нерѣдко оскорбляли членовъ комисіи такъ, что положеніе послѣднихъ наконецъ стало невыносимо и опасно.

„Верхнеисецкаго ево графскаго сіятельства Романа Ларионовича заводу прикащикъ Андрей Щипуновъ, да Ѳедоръ Артаболовскій“, писали митрополиту Павлу священникъ Алексѣевъ съ прапорщикомъ Кокшаровымъ 31 марта 1761 г., „чинятъ раскольникамъ явное запрещеніе и поваровку, а намъ низайшимъ въ поимкѣ ихъ злодѣевъ и въ слѣдствопроизводеніи, до кого касается дѣло—крайнее помѣшательство. И угрожаютъ намъ смертнымъ убійствомъ, или гдѣ случится подхвата насъ (хотятъ) увести въ Петербургъ къ графу и отдать къ наказанію и лишенію членовъ, ибо де и одинъ раскольникъ, который живетъ богоугодно, лучше тысячи лицемѣровъ и обманщиковъ, называющихся православными“. Въ другой разъ прикащики Щипуновъ и Артаболовскій лично объявили священнику Алексѣеву: „ежели нашихъ графскихъ приписныхъ деревень Шартанской и другихъ раскольниковъ въ комисію брать будете, то и васъ комисіанъ приказано будетъ

раскольникамъ захватить и руки и ноги переломать“.

27 марта въ домѣ прикащика Щипунова прикащикъ Строгановскаго Билимбаевскаго завода Иванъ Швецовъ хвалился: „ежели къ намъ попадутъ въ руки комисіи судящіи двое: десятоначальникъ Семень Алексѣевъ и прапорщикъ Кокшаровъ, то мы имъ руки и ноги переломаемъ и самихъ въ рѣку бросимъ, а у графа нашего (Строганова) взять нечего“.

18 и 22 мая комиссія жаловалась митрополиту, что Воронцовскіе прикащики Щипуновъ и Артаболовскій по многократнымъ требованіямъ комисіи нужныхъ раскольниковъ не отдавали, не отдають и впредь не хотятъ отдавать подъ тѣмъ предлогомъ, что некому будетъ работать на заводахъ, и всячески поносятъ комиссію, говоря, что она учреждена въ противность указовъ. 29 мая члены комисіи просили митрополита уже о переводѣ ихъ изъ Екатеринбурга въ какое либо другое мѣсто, напримѣръ, въ Невьянскъ, на Демидовскіе заводы. „Господинъ Демидовъ еще дворянинъ сущей, а не графъ“, писали они, „и такого упорства и страхованія какъ здѣсь въ Екатеринбургѣ быть не отъ кого.... А ежели паче чаянія переѣхать будетъ не позволено, то, отъ чего Боже сохрани, намъ здѣсь живымъ не быть“.

31 августа комиссія доносила: „Консисторія вашего преосвященства промеморіей просила канцелярію главнаго правленія заводовъ, чтобы касающіеся по дѣламъ раскольники какъ отъ Верхнеисецкой заводской конторы, такъ и отъ конторы Шайтанскаго дворянина Никиты Демидова завода, отдаваны были въ комиссію безпрепятственно. О томъ и отъ здѣшней комисіи 19 и 28 августа посланными доношеніями съ приобщеніемъ раскольническихъ реестровъ въ канцелярію главнаго заводовъ правленія представлено и требовано было. Точію принужденія никакого не видится и въ присылкѣ ни одного человѣка и по нынѣ нѣтъ“... „И самой комисіи канцелярія главнаго правленія и Верхнеисецкая контора нетокмо не даютъ вольности ловить лжеучителей и поповъ, скрывающихся у раскольниковъ, но и ни въ деревни, ни въ дома къ раскольникамъ входитъ не велятъ и потому въ производствѣ учинилась остановка“.

23 октября, наконецъ, священникъ Алексѣевъ съ Кокшаро-

вымъ писали митрополиту: „Что больше чинить,—недоумѣваемъ, уже бо сила наша въ немощь претворяется. Не соблаговолитель, ваше преосвященство, о такихъ противникахъ (т. е. раскольникахъ) слѣдствіе приказать произвести въ Тобольску? Тогда уже по необходимости въ силу указовъ канцелярія главнаго заводоу правленія раскольниковъ представить имѣеть. Теперь же раскольники, защищаемые отъ властей, яко неистовіи бѣси плескаютъ руками и гордятся“.

Но преосвященный Павелъ не зналъ на что рѣшиться и ожидалъ указной резолюціи отъ Святѣйшаго Синода на свое представленіе отъ 5 іюля, каковой такъ и не послѣдовало. Между тѣмъ жалобы, поданныя въ Сенатъ выборнымъ отъ раскольниковъ Иваномъ Косовымъ и самимъ графомъ Строгановымъ, подвигли къ защитѣ сибирскихъ раскольниковъ отъ преслѣдованія со стороны Екатеринбургской комисіи и другихъ духовныхъ командъ самой Сенатъ.

13 августа 1761 г. отъ Сената были посланы на имя сибирской и оренбургской губернскихъ канцелярій и канцеляріи главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводоу особые указы, коими повелѣвалось: какъ верхисецкихъ крестьянъ (приносившихъ Сенату жалобу, повторенную графомъ Воронцовымъ о томъ, что Екатеринбургская комисія забираетъ собою чрезъ посланныхъ отъ нея команды приписныхъ къ Верхисецкому желѣзному заводу крестьянъ и наѣзжая въ ихъ деревни грабить дома и все имѣніе, и ихъ крестьянъ бьетъ и мучитъ немилосердно и сажаетъ въ цѣпяхъ подъ караулъ), такъ и прочихъ оренбургской и сибирской губерній обывателей отъ вышеозначенныхъ чинимыхъ духовными командами раззореній прилежнѣйше защищать и ни за чѣмъ посланныхъ отъ вышеозначенной (Екатеринбургской) раскольниковской комисіи и отъ Тобольской консисторіи командъ въ ихъ жителство вѣзжать отнюдь не допускать, кольми жъ паче самимъ губерніямъ (губернскимъ канцеляріямъ) для забираянія тѣхъ жителей, а особливо не своего вѣдомства (наприм. вѣдомства г.г. Воронцова, Строганова, Демидова) безъ сношенія съ тѣми присутственными мѣстами нетокмо командъ не давать, но и ни малѣйшаго въ томъ духовнымъ командамъ вспомошествованія

не чинить, подь опасеніемъ неупустительнаго штрафа“. Сибирская губернская канцелярія поспѣшила при особой промеморіи отъ 5 декабря послать съ сего указа въ Tobol. консисторію точную копію.

Коммисіи о раскольникахъ послѣ этого стало совсѣмъ нечего дѣлать въ Екатеринбургѣ и она благополучно возвратилась въ Tobольскъ, оставивъ послѣ себя очень нехорошую память, не только въ раскольникахъ, но во всѣхъ тѣхъ, кто съ грустью смотрѣлъ на раскольническія самосожженія, вызываемыя преслѣдованіемъ несчастныхъ заблудшихъ простолюдиновъ.

Однако привезенныя съ собой дѣла коммисіи не сразу были сданы въ архивъ: въ Tobольскѣ были раскольники, которыхъ коммисіи удалось захватить и выслать. Теперь все вниманіе преосвященнаго и консисторіи было сосредоточено на этихъ несчастныхъ; ихъ увѣщевали, пытали, томили въ тюрьмахъ, въ оковахъ, заставляли работать на казенныхъ дощеникахъ, въ садахъ и огородахъ архіерейскихъ, не давая средствъ къ существованію, а только позволяя въ извѣстные часы ходить съ солдатами за милостыней по tobольскимъ улицамъ. Отрада къ нимъ явилась только со вступленіемъ на престоль царскій императора Петра Ѳеодоровича, именно въ 1762 году. По высочайшему повелѣнію новаго императора, правительствующій сенатъ циркулярнымъ указомъ, отъ 28 февраля 1762 года, на имя губернскихъ канцелярій предписалъ всѣхъ раскольниковъ изъ остроговъ распустить и дѣла объ нихъ производствомъ прекратить. По этому поводу преосвященный Павелъ съ соболѣзнованіемъ доносилъ Святѣйш. Синоду, что вслѣдствіе сенатскаго указа, которые раскольники для обращенія ихъ къ церкви святѣй въ Tobольской духовной консисторіи содержались, хотя и не слѣдовало до окончанія объ нихъ дѣлъ отпущать, но за силу того указа и по требованію Сибирской губернской канцелярії безъ окончанія объ нихъ тѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ рѣшенія и безъ обращенія къ церкви святѣй отпущены“.

Кончились преслѣдованія, не стало и самосожженій.

Прослѣдивъ исторію самосожженій въ Сибири, въ связи съ самоубійствами въ Россіи, мы невольно приходимъ къ такого рода заключенію:

1) Исходнымъ пунктомъ религіозныхъ самоубійствъ и убійствъ для русскихъ старообрядцевъ было то безвыходное положеніе, въ которое они были поставлены въ началѣ, когда имъ предлагалось на выборъ: или оставить свои вѣрованія, убѣжденія и привязанности, или—идти въ тюрьму, подъ пытки, а подчасъ и на костеръ.

2) Страхъ предъ Богомъ за измѣну, вытекающій изъ пламенной вѣры въ правоту своихъ убѣжденій и воззрѣній и страхъ предъ лютою казнію за непокорность не дали первымъ самоубійцамъ опомниться и обсудить вопросъ о самоубійствѣ здраво; они рѣшились на самоубійство, чтобы предупредить казнь, не зная еще сами: будетъ ли это жертва угодная Богу, или смертный грѣхъ.

3) Со стороны первоучителей раскола, въ родѣ протопопа Аввакума, было не естественно не одобрить этотъ необдуманнй, отчаянный поступокъ и не назвать его ревностію о Богѣ, хотя бы въ душѣ самъ Аввакумъ и ему подобные и сознавали опрометчивость поступка и не вѣрили въ спасительность самоубійствъ. Иначе пришлось бы судить своихъ послѣдователей, обуздывать ихъ ревность и такимъ образомъ вредить своему дѣлу противленія ненавистнымъ новшествамъ.

4) Разъ случившееся необдуманное, но одобренное первоучителями раскола самоубійство въ глазахъ прочихъ старообрядцевъ естественно и скоро стало „добровольнымъ мученичествомъ“, избавляющимъ отъ временной и вѣчной гибели.

5) Для новыхъ расколуучителей осуждать самоубійство, противное закону естественному и Божію, и разочаровывать старообрядцевъ было уже поздно и тоже не выгодно, какъ и для первыхъ расколуучителей. Приходилось по неволѣ искать для него оправданія въ священннхъ и отеческихъ книгахъ. И оправданія были найдены, благодаря безцеремонной изворотливости расколуучителей въ толкованіи священннхъ книгъ.

6) Теперь всякій, даже не важный случай могъ служить достаточнымъ поводомъ къ добровольному мученичеству. Но малѣйшее преслѣдованіе, а тѣмъ болѣе принудительное привлеченіе въ лоно церкви служило главнымъ поводомъ къ самоубійству потому, что въ преслѣдованіи всякій видѣлъ оправданіе собственнаго самоубійства, представляя его добровольнымъ муче-

ничествомъ, предупреждающимъ мученичество въ собственномъ смыслѣ.

Таково наше крайнее убъжденіе относительно религиозныхъ старообрядческихъ самоубійствъ и убійствъ, составившееся при воззрѣніи на многочисленныя самоубійства въ Россіи и Сибири.

И. Сырцовъ.